ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 32-й
№ 35 (4314)

Вторник, 21 марта 1961 г.

Цена 4 коп.

ДЛЯ ТЕХ, КТО ПРОКЛАДЫВАЛ ПЕРВЫЕ БОРОЗДЫ

—Как известно, в степи в хорошую погоду глаз видит простор полей до самого горизонта. Хотя у вас сейчас метет поземка, можно сказать, что в целинных степях хорошая погода, замечательное настроение, вы хорошо видите те горизонты, которые открываются перед вами на новом этапе освоения целины...

И это не единожды в речи, произнесенной в центре целинных земель перед людьми «большого дела», Никита Сергеевич Хрущев обращался к образу горизонта, бескрайних просторов «открытого моря», когда раскрываются новые дали. Поистине много увиделось на этом совещании — и не только содеянное, не только освещенные глубоким и ясным экономическим анализом проблемы сегодняшнего дня, но и будущее этого необъятного края. И что особенно примечательно: будущее в близкой коммунистической перспективе!

Мы хорошо помним студеную зиму 1954 года. Эшелоны с первыми отрядами добровольцев, отправляющихся на Восток. Горячее, обжигающее слово — целина, звучавшее как боевой сигнал атаки. Недаром же трудности, которые пришлось преодолевать покорителям целины, Никита Сергеевич Хрущев сравнил с трудностями солдат во время тяжелого похода.

Да, это были солдаты великой армии, отправлявшиеся на передний край борьбы за коммунизм. Они стали в том же историческом ряду, что и коммунисты, и комсомольцы старшего поколения, строители первых пятилеток, что и поколения советских людей, отстоявших завоевания Октября в лихую годину фашистского нашествия.

Именно об этой вечно живой эстафете поколений и говорил Н. С. Хрущев, обозревая свершенное, героические дела покорителей целины.

«Целина» — это русское слово теперь по праву стало рядом с другими, понятными всем народам мира без перевода: «пятилетка», «колхоз», «спутник», «лунник».

Но мы помним и другое: отчаянное сопротивление отщепенцев из антипартийной группы курсу Центрального Комитета на освоение целины. Жалкими банкротами предстают они сейчас перед лицом партии, перед великим подвигом народа! Всего лишь несколько лет понадобилось для того, чтобы освоить более сорока миллионов гектаров целинных и залежных земель. Вдумаемся: только за счет прироста товарной продукции хлеба в районах освоения целинных земель государство получило (в старых деньгах) дополнительно более 76 миллиардов рублей!

Но ведь целина — это не только хлеб, мясо, шерсть, молоко! Это новые поселки, города и дороги. Это свет за окном в ночной степи и голос учителя в классе. И, конечно же, это — люди, прошедшие великолепную школу мужества, те, кого Никита Сергеевич назвал гордым словом — маяки. В газетной статье не охватить и небольшой части проблем жизни Целинного края, поднятых в выступлении Н. С. Хрущева, — выступлении, как бы вобравшем в себя коллективный опыт народа. Как всегда, ясно и образно, размышляя и советуясь, говорил Никита Сергеевич о том, что лежало на сердце у людей и в дни страды, когда горячий степной ветер обжигает лицо, и о чем мечталось, когда зажигались ночные огни в степях...

Нужно время, чтобы осмыслить всю сумму задач второго этапа освоения целины, поставленных Н. С. Хрущевым, чтобы ощутить глубину раскрывшихся далей. Как нельзя судить о большой картине по детали, так нельзя представить себе будущее Целинного края, рассмотрев лишь какую-либо одну, пусть даже важную проблему.

И проблема повышения культуры земледелия, и перспективы развития животноводства, и жилищное строительство, и развитие индустрии, и оснащение края техникой в невиданных ранее масштабах, и больницы, клубы, школы — всего даже и не перечислишь! Но как в картине мастера все ее части и детали связаны единым замыслом, единой идеей, так и все эти проблемы, взятые вместе, подчинены одному — человеку!

О чем бы ни говорил Никита Сергеевич, какие бы ни приводил цифры и расчеты, — за всем этим виделась большая забота о человеке, о тех, кто прокладывал первые борозды на целине.

И здесь есть у нас маяки. Эти маяки — целые совхозы, где красиво и культурно живут люди. Никита Сергеевич назвал их: совхоз «Свободный» Есильского района, Акмолинской области, совхоз «Ленинский» Северо-Казахстанской области. И эти маяки освещают путь в будущее — равнение и на них!

— Без клубов, школ и больниц нельзя построить нормальную жизнь людей, которые пришли осваивать целинные земли, — говорил Н. С. Хрущев. — Им надо дать и духовную пищу, им нужны библиотеки, клубы, самодеятельность, им нужно создавать культурные условия.

Все для человека, все во имя человека!

Именно так прозвучал призыв Н. С. Хрущева к советской интеллигенции: идите туда, где вы нужнее всего, чтобы служить народу. Целине нужны врачи, педагоги, работники культуры. Очень нужны!

Мы помним обращенные к учителю проникновенные слова Никиты Сергеевича Хрущева, произнесенные им на учительском съезде. Это были слова человека, по чьей инициативе наша школа двинулась навстречу жизни, побратался с трудом и взяла на этом пути крутые подъемы. Именно такую новую, коммунистическую школу должны строить сейчас на целине наши педагоги.

Какое же широкое поле деятельности открывается для тех, кто хочет своими руками создавать новую, коммунистическую культуру!

Долг советской интеллигенции, а особенно молодой, горячо откликнуться на этот призыв! Уже начался поход за большую культуру народа. Это как бы встречное движение города и деревни, деятелей культуры, искусства и самых широких масс рабочих и колхозников.

А как ждут сейчас на целине умную, сердечную, правдивую книгу о современности! Ее могут и должны создать писатели, всем сердцем ощутившие размах героических дел на целине.

Было время, на первых этапах культурной революции, когда стояла проблема грамотности народа. Эта проблема давно решена, и если говорить широко, сейчас, в период развернутого строительства коммунизма, интеллектуальное и духовное богатство должно стать чертой, присущей каждому.

Разнообразные и обширные знания нужны, «чтобы лучше жить и сознавать свою роль в обществе, чтобы лучше познать смысл жизни. Знания такие нужны и доярке, и пастуху», — говорил Н. С. Хрущев на учительском съезде.

Вот почему на целину должна прийти большая культура!

— Хотелось бы пожелать деятелям литературы и искусства, — сказал Н. С. Хрущев, — создавать больше хороших книг, кинофильмов, пьес, музыкальных произведений о тружениках целины — замечательных героях наших дней, которые самоотверженно трудятся на благо Родины. В произведениях литературы и искусства надо полнее и ярче отражать жизнь в колхозах и совхозах на целинных землях, освоение богатств новых районов страны.

Это пожелание станет программой творческих дерзаний, достижений и успехов советского искусства.

Мы — участники замечательных, героических дел, мы живем в незабываемое время, — так пусть же наше искусство, наша литература будут достойны великих свершений народных!

МЕСТО НАЗНАЧЕНИЯ — ЦЕЛИННЫЙ КРАЙ

Весна для студента-выпускника — это время раздумий, волнений, время крутых поворотов, определяющих дальнейшую жизнь. Словом, весна — это «распределение».

Медики и педагоги всегда готовятся в далекий путь. Но куда он поведет, этот путь? Как выбрать то единственное место, которое станет отныне родным домом, близким и дорогим?

В нынешнем году это решение облегчено тем, что в речи Н. С. Хрущева на совещании передовиков сельского хозяйства Целинного края был указан прямой путь для выпускников многих вузов. Слова Н. С. Хрущева о том, что «вопросы обучения детей, здравоохранения, культурного обслуживания — важные вопросы для дальнейшего развития Целинного края», не могли не найти отклика среди студентов.

— Если врачу скажут, что он где-то нужен, разве может стоять вопрос: ехать или не ехать? — говорится в обращении студентов 1-го Московского медицинского института, едущих на работу в Целинный край, ко всем выпускникам медицинских вузов страны.

— Мне нравится видеть людей красивыми, — говорит будущий преподаватель физкультуры, анатомии и физиологии Светлана Волкова, студентка Московского областного педагогического института имени Крупской. — Моя заветная мечта — растить на целине настоящих спортсменов, строить стадионы, устраивать соревнования... Ведь работников моей специальности там почти нет.

52-ю группу физиков хорошо знают в Московском областном педагогическом институте. Все вместе они ездили на целину, еще на 2-м курсе вместе построили два катера и с тех пор ходят на них в водные походы, вместе они учатся в Университете культуры. — На целине нужны педагоги? Поедем все вместе! — было решено на комсомольском собрании.

На верхнем снимке (слева направо): Аня Мальковская, Зина Любимова, Тамара Ленточникова, Аннета Швачкина и Ира Прошлякова пришли посоветоваться с преподавателем А. Кузьминым. Какие книги брать с собой? Как мастерить приборы? Как их хранить? И вообще, как сделать так, чтобы уроки физики были самыми увлекательными и интересными?

Будущие врачи Дмитрий Белокриницкий и Виктор Китаев обсуждают только что закончившуюся тяжелую операцию. А что придется им делать на целине?

— Буду стараться, — говорит педиатр Белокриницкий, — чтобы дети Целинного края были всегда здоровыми, бодрыми, веселыми, как и подобает быть ребятам этой чудесной житницы нашей страны.

Г. БАШКИРОВА
Фото А. Лидова

ПИСАТЕЛИ ЛЕНИНГРАДА — И ПАРТИЙНОМУ СЪЕЗДУ

Как готовится писательская организация к предстоящему XXII партийному съезду, как писатели Ленинграда своим творчеством помогают делу коммунистического воспитания народа?

Эти вопросы обсуждались на открытом партийном собрании ленинградских литераторов.

С сообщением выступил секретарь правления Ленинградского отделения Союза писателей А. Попов.

— Весть о созыве XXII съезда партии вызвала высокий душевный подъем у всех советских людей, — сказал он. — Большие задачи встают в период подготовки к этому историческому событию и перед нами, писателями. Еще более значительное место должна занять в нашем творчестве тема героики труда. Нам надо создать яркие и правдивые образы строителей коммунизма, людей, которые могли бы стать примером для подражания, людей, с которых могла бы «делать жизнь» наша молодежь.

А. Попов говорил о возрастающем значении публицистики в работе писателей.

О подготовке теоретической конференции по проблемам идеологии и современному художественному творчеству рассказал И. Эвентов.

Д. Остров, В. Волков посвятили свои выступления участию писателей в борьбе за мир, задачам литераторов, пишущих о нашей армии, о мирных буднях советских воинов. О работе литераторов в области научной тематики говорил Ю. Эшман. Б. Лихарев рассказал о работе над новыми коллективными сборниками. Роли писателя, как первооткрывателя, разведчика жизни, посвятил свое выступление В. Дмитревский.

— Большое внимание должно быть сейчас уделено качеству художественных произведений, — сказала В. Панова. — По нему читатель будет судить и оценивать нашу работу, наши книги.

О новых романах, повестях, рассказах, очерках, которые будут опубликованы на страницах «Звезды» в предсъездовские месяцы, говорил главный редактор журнала Г. Холопов. Главный редактор Ленинградского отделения издательства «Советский писатель» И. Авраменко рассказал о работе и планах издательства, о выходящих в свет произведениях ленинградских писателей, посвященных современной теме.

Выступления А. Хватова, Е. Мина, А. Разумовского были посвящены вопросам активизации работы критиков, созданию новых пьес, сценариев, эстрадных представлений, программ народных празднеств.

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.)

СОБРАНИЕ АКТИВА РАБОТНИКОВ КИНО

Вчера в Москве началось собрание актива деятелей киноискусства, созванное Министерством культуры СССР и Оргкомитетом Союза работников кинематографии СССР.

В совещании принимают участие министры культуры союзных республик, директора студий, режиссеры, операторы, сценаристы, актеры Москвы, Ленинграда, всех союзных республик.

С докладом выступила член Президиума ЦК КПСС, министр культуры СССР Е. А. Фурцева.

После доклада развернулись оживленные прения, в которых приняли участие режиссеры М. Ромм, Г. Александров, С. Долидзе, министр культуры Украины Р. Бабийчук, директор студии «Мосфильм» В. Сурин, кинокритик Н. Кладо и другие.

Совещание продлится два дня.

Скоро в Москве открывается фотовыставка «Семилетка в действии». Сегодня мы публикуем несколько снимков, представленных на выставку.

Романтик. Фото В. Санка

ЛГ Наука и жизнь

Вячеслав ПАЛЬМАН

ЧЕЛОВЕК И ЗЕМЛЯ

«ВЫЖАТЬ ИЗ ЗЕМЛИ ВСЕ...»

Знал я одного руководящего работника районного масштаба, у которого были несколько своеобразные взгляды на жизнь и работу. Он считал, что успех любого дела зависит только от его личного участия в этом деле. Мужик он, в общем, был настойчивый, горячий, но горел только сам, а других не зажигал, потому что подходил к людям не с той стороны и не с открытым сердцем, а с приказом. Словом, любил «нажимать», «подстегивать», «снимать стружку» и «выжимать до конца».

Последнее выражение ему особенно полюбилось.

На совещаниях с механизаторами он обычно заканчивал свою речь призывом «выжать из техники все, что она может дать». Призыв этот никого не удивлял. Разумеется, неплохо взять от машины все, на что она рассчитана. О профилактике и ремонте не говорилось, это подразумевалось само собой.

Когда ему приходилось собирать руководителей предприятий, он обязательно ввертывал фразу насчет того, что из кадров надо «выжать все». Ему почему-то не хлопали. Видно, обижались. В конце концов под кадрами ведь подразумеваются люди. У них, кроме бренного тела, есть сознание, которым они, собственно, и руководствуются в жизни. Но наш руководитель не признавал подобных соображений и смело шел по раз и навсегда намеченному пути, лишь иногда удивляясь, почему у него «не получается».

Если ему приходилось держать речь перед специалистами — агрономами и механиками, то он заканчивал ее неизменным призывом «выжать из земли все до конца». Этот лозунг, который буквально выводил из себя агрономов, наш руководитель, к сожалению, претворял в жизнь упорнее, чем два первых, касающихся техники и кадров.

Делалось это всегда под вывеской насущных задач сегодняшнего дня. Этим самым он парализовал всякую возможность критики в свой адрес.

Несколько лет назад на Пленуме ЦК партии подверглись критике руководители, которые непродуманно, без учета местных условий, по шаблону вводя травопольную систему севооборота, заняли неправомерно много земли под малоурожайные многолетние травы.

В нашем районе трав было очень мало, все поля севооборота мы пропускали через бобовую культуру раз в 10—12 лет. К слову сказать, урожай у нас люцерна давала отменный, до 7 тонн сена с гектара, и, кроме того, за два года на 15—18 центнеров увеличивался урожай пшеницы, которую сеяли следом. Люцерна была необходима и скоту как источник белкового корма. Словом, она здесь, в нашем районе, себя полностью оправдывала.

Но наш руководитель не захотел «отставать» от других. Он тоже объявил поход против люцерны для того, чтобы посеять вместо трав другие культуры и таким образом «выжать из земли все». Он не захотел выслушать мнение специалистов на этот счет, не посчитался с особыми условиями района. Люцерну уничтожили.

Видимо, он был не единственным таким в крае. Площадь под бобовыми травами на Кубани резко сократилась, вслед за этим несколько упала урожайность пшеницы, а так как до последних лет на юге навоз практически не использовали, то вместе с травами исчез последний источник восстановления структуры почвы. Усилилось распыление почвы. Земля словно мстила за необдуманные действия, за попытку «выжать из нее все».

Теперь, когда ошибка с травами исправлена и площадь под бобовыми культурами — люцерной, викой, горохом — снова увеличивается за счет травяного поля и посева в занятых парах, мы с огорчением вспоминаем зловещие пыльные бури весной 1960 года, которые пронеслись через весь юг нашей страны и нанесли огромный вред сельскому хозяйству... Распашка травяного пласта сыграла свою печальную роль.

И ВОТ ЧТО ПОЛУЧИЛОСЬ

Сейчас, когда механизация сельского хозяйства возрастает, эксперименты над землей особенно опасны. Подсчитано, что при полной механизации возделывания кукурузы машины и орудия проходят по полю за год до 25 раз. Постоянное прикатывание земли колесами и гусеницами тракторов, машин и прицепных орудий способствует распылению почвы. Восстановление структуры поэтому становится необходимейшим условием земледелия.

Мы знаем, что в жаркое лето на Кубани верхний слой почвы уплотняется до каменной твердости. Пахота под озимые и зябь в августе — сентябре превращается в мучительную операцию и для трактористов, и для земли. Из-под плуга выворачиваются полутонные глыбы, которые потом ничем не разделаешь. Задерживается осенний сев, ломаются машины, падает выработка. Придуманы варварские орудия разделки глыб — тяжелые зубчатые катки, рельсы и фрезы. Это борьба со следствием, а не с причиной. На эту борьбу жалко тратить деньги и больно смотреть.

Очень серьезна сейчас проблема восстановления структуры разрушенного верхнего слоя почвы. Регулярное удобрение перегноем — один из методов лечения земли. Бобовые травы и глубокая пахота с выворотом «орешка» — второй надежный метод. И пока все.

А наш руководитель тем временем продолжал «выжимать».

Я помню, как в 1956 году случилась именно такая трудная осень, о которой я только что написал. Пахать стало невозможно, из-под кукурузы и суданки земля выходила каменной, сев озимых задерживался. Ждали дождя. Удачно вспахали лишь землю из-под пшеницы. Это была ранняя зябь — могучее средство очищения земли от сорняков. Поля зяби намечались на будущий год под свеклу и кукурузу.

Мы встретились с нашим руководителем в первой бригаде динского колхоза. Он был утомлен, зол, нетерпелив.

— Вы срываете график сева, — объявил он вместо приветствия.

Я вздохнул и промолчал.

— Вы игнорируете наше решение во что бы то ни стало закончить сев к пятому октября. Почему не сеете на этом поле?

— Здесь глубокая вспашка под свеклу.

— Насколько мне известно, свекла сеется весной, а пшеница сейчас. Поле готово. Измените план. Сейте пшеницу.

— А свеклу?

— По свекле. Или по кукурузе.

— Мы нарушим севооборот.

— Плевать мне на ваш севооборот. Мне зерно нужно, а не севооборот! Все умничаете?..

— Севооборот — это и есть забота о зерне. Надо о завтрашнем подумать.

— Бросьте мне голову морочить! С севом отстали, а о будущем заботитесь? Немедленно сейте! Берите пример с васюринцев, там не считаются...

Он уехал, не попрощавшись. Я стоял и раздумывал насчет того, что сейчас трудно найти машину для перевозки семьи и вещей... Но сеять мы на вспаханном поле все же не стали, меня поддержал тогда директор МТС.

Почему наш руководитель ссылался на соседний васюринский колхоз?

Тамошний агроном не выдержал натиска. Он стал сеять пшеницу по пшенице. Естественно, что кукуруза у них пошла по кукурузе, а подсолнечник по подсолнечнику. Севооборот рухнул. Все пошло кувырком. Агроном какое-то время даже ходил в героях, его примером корили других; в довершение ко всему не без ведома нашего руководителя в конце года его наградили орденом, который он с гордостью носит по юбилейным дням и сейчас. К слову сказать, в станице он побыл всего два года, так что совесть не очень мучила его... А земля отомстила за этот грех агронома.

На пшеничных полях размножилась жужелица. Масса сорняков развилась в кукурузе. Словом, в накладе остались васюринские колхозники. И, конечно, земля.

ПОЧВА НУЖДАЕТСЯ В ОХРАНЕ

Зачем мы вспоминаем теперь дела минувших дней?

По меньшей мере два соображения вытекают из описанных выше сценок, которые, по всей вероятности, происходили не только в нашем районе.

Первое из них — это необходимость охранять качество земли с такой же строгостью и бдительностью, с какой мы охраняем заводы и фабрики. Ведь и земля, и фабрики — это средства производства, одинаково ценные для общества, с одинаково большим будущим и одинаковыми задачами: производить.

Часто в азарте текущих дел мы забываем о земле, лишь требуем с нее урожаев, берем больше, чем даем, надеясь, что сама природа похлопочет за нас, исправит наши грехи. Оценка работы руководителей ведется по результатам одного года, а что остается после этого года, нас не интересует. Карьеристы пользуются нашей забывчивостью, благо земля безгласна и не может пожаловаться ни в обком, ни в Министерство сельского хозяйства.

Сам призыв «выжать все из земли» преступен. Как можно «выжать все» из земли, из той самой земли, которая вот уже не одно тысячелетие кормит род людской и будет кормить человечество еще не одну тысячу лет? Выжать все — значит ничего не оставить потомкам. Несложная и мрачная философия эта сформулирована в известном изречении «после нас хоть потоп»...

Наша кормилица-земля не терпит плохого к себе отношения. У нее своя сложная жизнь. Лихие люди могут испортить почву — «выпахать», засолить, заболотить, иссушить, превратить в пыль, в пепел. Умные и честные земледельцы знают, как сделать почву еще более плодородной, такой, что она будет давать все большие и большие урожаи и в то же время непрерывно улучшаться, как бы молодеть.

Уместно здесь вспомнить Терентия Семеновича Мальцева, который не только научился выращивать богатые урожаи у себя в Зауралье, но и построил свою систему земледелия, рассчитанную на далекое будущее.

Мы с гордостью можем сказать, что наша страна является пионером, передовой страной мира в области агрономии. Имена Глинки, Докучаева, Костычева, Тимирязева, Вильямса, Прянишникова знают просвещенные земледельцы во всем мире. У нас передовая, наиболее разумная организация производства в сельском хозяйстве — коллективные хозяйства и совхозы; специальная сельскохозяйственная академия, сеть институтов, опытных станций, служба карантина, семеноводства, защиты растений, метеорологии.

Почему же так бывает, как в нашем районе?

Потому что у нас нет службы охраны земли.

Вы скажете — агрономы? Не всегда это так. Агрономов чаще всего заедает текучка. Они мечутся от кампании к кампании и подчас сами закрывают глаза на всякие нарушения агротехники. Лишь бы получить урожай сейчас, в этом году... Часть из них — просто исполнители предписаний своего шефа. У нас уже давно нет специалистов, стоящих над колхозами и совхозами. Когда-то они были, главные агрономы районов. Сейчас, в связи с перестройкой аппарата министерства и его органов, контроль за качеством, за использованием земли просто повис в воздухе.

Нужна служба охраны земли. Будет ли это инспекция с особыми правами или контролеры при опытно-показательных хозяйствах в районах, но кто-то должен быть на этом участке строительства коммунизма. И тогда труднее станет горе-руководителям «выжимать все» из земли, они задумаются не только над тем, как взять у земли ее богатства, но и над тем, что и как дать земле.

ПРАВА АГРОНОМОВ... ДА ЕСТЬ ЛИ ОНИ?

Частный вопрос, связанный с охраной почвы, — это разговор о правах агрономов в колхозах. Слишком мало у них этих самых прав. Распоряжение агронома не всегда обязательно для бригадира. Его может отменить председатель колхоза. Агронома могут снять с работы просто потому, что он не понравился председателю, или потому, что он перечит вышестоящему начальнику. Кто его защитит? Профсоюз? Его функции не распространяются на колхозы. Коллектив? Да подчас колхозники и не знают, кого из специалистов снимают или ставят. Разве на общем собрании в конце года...

Когда-то было решение Министерства сельского хозяйства о том, что санкцию на освобождение агронома от должности дает только вышестоящий агроном. Это хорошее решение было забыто. А следовало бы поступать именно так. Агроном — воитель, агроном — боец за урожай и за землю — станет более принципиальным и деятельным, когда он почувствует на своем плече крепкую товарищескую руку. Это земельный комиссар в колхозе. Кто же, как не агроном, понесет науку в колхозы и совхозы? Фигура агронома как проводника всего нового в сельском хозяйстве становится решающей особенно теперь, после перестройки работы Министерства сельского хозяйства.

О ПЕРСПЕКТИВНОМ ПЛАНЕ НА МНОГО ЛЕТ

Второе соображение, которое мне хочется высказать, коротко можно сформулировать так: нужен план развития сельского хозяйства по стране и по каждому району на длительный, хотя бы пятнадцатилетний срок.

Всем известно, например, как трудно изменить технологию производства того или иного изделия на заводе. Обычно это связано с установкой новых линий станков, с изменением режима дня, потока.

Не меньшие трудности вызывает постоянная смена планов и в сельском хозяйстве.

В свое время на Кубани наряду с зерном возделывали хлопок, арахис, кунжут, клещевину, коноплю. Потом от хлопка отказались, на другие культуры уменьшили план. Зато увеличился объем посева риса, кукурузы — культур совсем иной биологии, иных требований к почве, к воде, к технике.

Прошло немного времени, Кубань увеличила площади под сахарной свеклой и под садами, но уменьшила посевы пшеницы. Снова ломка землепользования и севооборотов, изменение всей системы обработки почвы и удобрений. В прошлом году еще одно изменение: уменьшен ранее завышенный план закладки садов и виноградников, резко увеличились площади кукурузы. В

(Окончание на 2-й стр.)

Вода пришла. Фото Е. Кассина

Бюро обслуживания

ПРЕЖДЕ ЧЕМ ПОЙТИ В ПОХОД

Разговор о туризме может быть длинным, и, во всяком случае, такой разговор нужен. Мы зачастую ограничиваемся популяризацией воскресного отдыха за городом, критикой неурядиц в работе отдельных туристических баз. Это все важно и нужно, но у туризма есть и другие заботы.

Например, уделяем ли мы внимание профилактике несчастных случаев в самодеятельном туризме? А ведь каждый летний и зимний сезон приносит печальные примеры. Разумеется, их очень мало по сравнению с размахом туризма, но не говорить об этом мы не вправе. Нет надобности перечислять эти случаи, некоторые из них упоминались в печати. Главное—в тех подспудных причинах, которые остаются вне поля нашего зрения.

Молодежь рвется в трудные походы. Тебердинская турбаза на Кавказе, одна из известнейших в стране, пропускает ежегодно в течение июля—августа до четырех тысяч туристов. За последние четыре года через район турбазы прошло более тысячи туристских групп. Из них двадцать — тридцать процентов шло с грубейшими нарушениями элементарных норм безопасности, без необходимого снаряжения и подготовки. Руководители турбазы пишут в Центральный совет Союза спортивных обществ: «К сожалению, нам часто приходится встречаться с фактами чрезвычайной переоценки своих возможностей, решительного отказа от контроля и подчинения общеизвестным и, безусловно, необходимым нормам безопасности». А в результате — несчастные случаи.

Недавно Центральный совет Союза спортобществ принял постановление, ограничивающее сложные походы, — так называемой второй и третьей категории трудности. Конечно, меньше трудных походов, меньше несчастных случаев. Но механизм ограничения уж очень простой — уменьшаются дотации, и предполагается, что туристы, лишенные материальной поддержки, не станут ходить в эти походы. А так ли это? Жизненный уровень населения с каждым годом резко повышается, энтузиасты-туристы обходятся без субсидий. И получается обратное тому, что задумано: туристы отправляются в трудные походы, но «диким» образом.

Очевидно, выход надо искать в другом. Походы второй и третьей категории трудности надо проводить, предъявляя более жесткие требования к подбору участников, к составлению маршрутов, к организации спасательной службы.

Контроль за прохождением маршрута во многих случаях происходит нелепо. Посудите сами. Группа идет, например, по Саянам, а контролируется в Москве— в оговоренные дни из заранее оговоренных пунктов туристы дают телеграммы в Москву. Если телеграмма запаздывает, делается вывод, что с группой что-то случилось, и начинаются спасательные работы. Почему же пункт контроля так непомерно отдален от маршрута? Ведь пока идут телеграммы и принимаются меры, проходит драгоценное время. А если неприятность случилась на середине пути? Узнают о ней только в контрольный срок подачи телеграммы!

Где же выход? Прежде всего в тех районах страны, где проходят туристские пути, нужно иметь пункты спасательной службы — они будут контролировать прохождение маршругов и при необходимости организовывать спасательные работы. Им легче создать и более гибкую систему контроля.

Кстати, давно назрела необходимость как-то наказывать любителей приключений, проявляющих непозволительное легкомыслие. Спасательные работы отнимают время у десятков и сотен людей, на это тратятся большие государственные средства. Разгильдяев вредно изображать героями, как это иногда делается.

А как быть с теми, кто уходит в опасные походы в горы, пускается в плавания по быстрым рекам без всякого контроля, без подготовки, снаряжения, надеясь на «авось»? Надо создать такое общественное мнение, чтобы подобные «смельчаки» выглядели, как злостные нарушители дисциплины. Великие путешественники, люди с громадным опытом, готовились к походам годами. Достойны презрения те, кто, купив ковбойку и некоторые атрибуты туриста, считают, что этим все ограничивается.

Не мешает в узловых пунктах туристских районов, где требуется особое мастерство, иметь постоянные дежурные посты опытных туристов-дружинников, которые будут возвращать неподготовленных туристов обратно.

С точки зрения профилактики несчастных случаев не все в порядке и с туризмом выходного дня. Вот что пишет альпинистка из Домбая на Кавказе, куда по выходным дням приезжает много отдыхающих из Ставрополя, Минеральных Вод и других мест. «Пьяные тети и дяди ходят по ущелью в купальных костюмах, даже в пижамах! Бросают, где угодно, бумагу. По леднику ходят в платьях и в модных туфлях. Каждое воскресенье боимся, что придется из речки кого-нибудь вылавливать. В общем, до первого случая — когда кто-либо из таких туристов провалится в трещину. Им очень интересно сфотографироваться у самой трещины. Когда я спускалась с ледника, го встретила беременную женщину — она еле тащила ноги». Комментарии излишни.

В условиях развития массового туризма особенно большое значение приобретает организация дела. Ведь пройдет немного времени, и мы будем иметь в стране миллионы туристов. Профилактика несчастных случаев, правда, только лишь одна деталь. Но и ее нельзя упускать из виду.

Г. НЕВЕРОВ

СПАСИБО

Автора короткого, в несколько строк, письма я никогда не видел и не знаю. Но оно обрадовало, как приятная весточка от хорошего, близкого человека.

Письмо я случайно обнаружил у себя в кармане. Произошло это так.

Вернувшись из длительной и трудной командировки, я отдал сильно запятнанный и грязный костюм в чистку, не веря в то, что его могут привести, как говорится, в божеский вид. Но мне вернули костюм, на котором при самом придирчивом осмотре нельзя было обнаружить ни одного пятнышка. Чьи-то добрые руки позаботились обо мне.

Надев костюм, я неожиданно обнаружил в одном из карманов так обрадовавшее меня письмо. Привожу его дословно:

«Дорогой товарищ! Ваш заказ обрабатывала бригада пятновыводчиков тов. Платоновой. Гладила бригада гладильщиков тов. (подпись, к сожалению, неразборчива). Мы постарались, чтобы вам было приятно им пользоваться...»

Вот и все. Но удивительно приятно было узнать, что на фабрике «Химчистка № 2 у меня есть друг тов. Платонова. Выполняя свою работу, она думала о том, чтобы сделать мне приятное.

Спасибо, товарищ Платонова!

Душевная забота о человеке — первая заповедь нашего социалистического бытия. Тамара Васильевна Платонова и ее бригада разгладили за нарядами и кентациями людей, которых огорчает плохая работа и радует хорошая. И они шлют заказчикам добрый привет. Думается, что и работать им стало интереснее.

Хочется верить, что коллектив фабрики поставит дело так, чтобы все заказчики были благодарны ее работникам.

МОСКВА **И. ПЕТРОВ**

Композиторы—молодежи

Проходящий сейчас в Москве VII пленум правления Союза композиторов СССР Д. Кабалевский назвал важной ступенью в работе композиторской организации на пути к XXII съезду КПСС.

Тема пленума — роль композитора в музыкально-эстетическом воспитании детей и юношества. Этому был посвящен доклад Т. Хренникова, содоклады В. Соловьева-Седого, Э. Мирзояна и других, выступления композиторов, педагогов.

В дни работы пленума в Москве пройдут концерты, программы которых составлены из произведений советских композиторов для детей и юношества.

Рядовые партии. Фото А. Маклецова

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

ЧЕЛОВЕК И ЗЕМЛЯ

этом году новое увеличение зерновых культур, особенно кукурузы на зерно. И опять перепланировка земли, обработки почвы, удобрений. Каждая культура требует своих машин. В совнархозы и Госплан поступают все новые и новые заявки. Сперва край требовал хлопкоуборочные и теребильные машины, потом они оказались ненужными, но резко возросла заявка на кукурузные комбайны и сеялки квадратного сева. И так ежегодно.

А в самом крае ежегодные перетасовки в использовании земли привели к возникновению теории отказа от всяких севооборотов. Подумайте только!..

После январского Пленума ЦК КПСС, который уточнил задания по производству продуктов сельского хозяйства, все, кажется, стало на свое место. На совещаниях по зонам страны были обсуждены возможности каждой республики, определены наиболее выгодные культуры, промышленность увеличит выпуск необходимых сельскохозяйственных машин, удобрений. Словом, созданы все условия для работы над перспективным планом.

Его надо составить уже в этом году. Это положит конец бесконечным переделкам, позволит установить и выдержать севообороты, разработать систему земледелия для каждой зоны. В выигрыше, в конечном счете, будут и земля, и люди.

ХОЗЯЕВА

Вернемся к тому, с чего мы начали.

Наш руководитель, любящий «выжимать», сейчас трудится на новом месте. К слову сказать, это вполне реальное лицо. Только мне не хочется называть его по имени-отчеству. Есть ли такие люди в других областях и краях страны? Несомненно. Ищите их там, где поля заросли сорняками и заражены вредителями; где буйствует ветровая и водяная эрозия, разрушающая почвы; где солонцы выходят на поверхность и губят урожай; где махнули рукой на севооборот, на удобрения, на историю полей и почвенные карты.

Ищите и вытаскивайте их на свет белый!

К счастью, у нас становится все больше и больше таких руководителей и специалистов в сельском хозяйстве, которые понимают цену земли и думают о будущем.

Совсем недавно я ездил по районам нашего края. Мы проехали по полям Усть-Лабинского и Тбилисского районов. Мягко выражаясь, особого удовольствия от культуры земледелия мы здесь не получили, хотя в последнем районе как раз секретарствует агроном. Бывает, конечно...

И только когда перебрались через Кубань и поехали по левобережным землям, картина вдруг резко изменилась. Сразу почувствовалось, что в этом районе землю любят.

Аккуратные, прочищенные лесополосы. Ровная пахота без борозд и бугров, с хорошо разделанными концами поля. Сильные, без единой «балалайки» озимые, посеянные узкорядными сеялками. Полевые дороги по-хозяйски сужены, отбиты ровно. Обочины шоссе, полевых проселков и лесополос аккуратно перепаханы и заборонованы. Нигде не видно даже остатков сорняков.

Это земли Новокубанского района.

Когда мы въехали в районную станицу, чтобы следовать дальше в Армавир, я не выдержал и вышел возле райкома. В кабинете первого секретаря Ивана Максимовича Юдина шло, насколько я понимаю, чисто агрономическое совещание: о вывозке навоза, сборе золы, о вике и о горохе, о ремонте тракторов.

Улучив момент, я тихонько спросил Юдина:

— Скоро начнете сев?

Он удивленно посмотрел на меня, снял трубку, вызвал инспектора ЦСУ и спросил:

— Сводку уже составили? Сколько? Понял. Спасибо.

Положив трубку, Юдин сказал мне:

— Первые триста гектаров ячменя уже посеяли.

Он стал смотреть в окно. И мы все повернулись к окнам. Там было голубое небо, теплые кучевые облака, сухой восточный ветер, пыль на дорогах. Через открытые форточки сюда донесся запах поля, спелой земли, приглушенный шум машин. Весна. Ранняя, неустойчивая весна...

Спокойный разговор в райкоме во время сева мне в диковинку. Что за этим кроется — беспечность руководства или уверенность в своих силах?

Когда участники совещания разошлись, я спросил:

— Вы убеждены, что без руководителей на поле будет порядок?

— А что мы такое? — ответил Юдин. — У нас в районе 56 агрономов.

— Но они ведь разные люди...

— Я их знаю много лет. Они меня тоже знают. Мы верим друг другу.

Вскоре я узнал одну истину, которой, на мой взгляд, цены нет: в районе очень устойчивые кадры. За последние восемь лет здесь сменилось лишь два председателя колхозов — один умер, второй ушел на пенсию. Большинство агрономов работает на одном месте свыше 10 лет. Василий Васильевич Мишин в районе 18 лет, агроном Пантелеймон Георгиевич Караеров работает на одном месте 23 года, Иван Степанович Карамов — 24 года, зоотехник Василий Федорович Мельник— 25 лет.

В Новокубанской шесть Героев Социалистического Труда. Именно в этом районе выросли знатные механизаторы В. Первицкий и В. Светличный, чей опыт сейчас изучают по всей стране.

— Ну, а с землей как у вас? — спрашиваю Юдина. — Вы в районе восемь лет.

— Земля стала лучше. В прошлом году мы собрали со всей площади по 180 пудов пшеницы, по 220 пудов кукурузы, по 108 пудов подсолнечника и по 272 центнера свеклы с гектара. А когда-то за стопудовый урожай пшеницы здесь орден давали. Под урожай прошлого года мы вывезли больше 60 тысяч тонн перегноя и внесли 5 300 тонн суперфосфата. В этом году вывезем 200 тысяч тонн навоза. Мы даем сейчас земле больше, чем берем у нее, — сказал Юдин.

— Простите, — перебил я его. — Какой институт вы кончали?

Юдин сконфуженно развел руками:

— Не кончал я института. В прошлом тракторист.

Тут было о чем подумать.

Есть хорошие люди на земле! И не обязательно с дипломом. Но обязательно с добрым сердцем, с верой в людей, с человеческим отношением к земле, с думой о будущих поколениях.

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЙ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«Отречение Фемиды»

Под таким заголовком 7 февраля 1961 г. в нашей газете был опубликован фельетон Камила Файзулина.

Заместитель прокурора РСФСР государственный советник юстиции 3 класса И. К. Кукарский сообщил в редакцию:

«Прокуратура РСФСР произвела проверку фактов, изложенных в фельетонах «Отречение Фемиды», напечатанном в «Литературной газете» от 7 февраля 1961 года, и «Гуманизм по-орловски», напечатанном 23 июля 1960 года.

В фельетонах правильно вскрыты существенные недостатки в работе судебных и следственных органов Орловской области. Факты, приведенные в них, обсуждались на оперативных совещаниях судебно-прокурорских работников. Были приняты конкретные меры к усилению борьбы с преступностью и недопущению в дальнейшей работе либерального отношения к опасным преступникам.

В результате изучения конкретных уголовных дел, названных в фельетонах, Прокуратура РСФСР сочла необходимым опротестовать постановление Президиума Орловского областного суда по делу Глинкина. Это постановление, которым из обвинения Глинкина была необоснованно исключена ст. 142, ч. I УК РСФСР, судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР отменила».

Следует добавить, что редакция не смогла своевременно информировать читателей о том, что Верховный суд РСФСР по протесту Прокуратуры Российской Федерации в сентябре 1960 г. исправил судебную ошибку, допущенную по делу Глинкина. Сообщение об этом редакция получила лишь через семь месяцев после опубликования статьи В. Сухаревича «Гуманизм по-орловски» и через четыре с половиной месяца после исправления самой ошибки.

«На Парнас за наличные»

Так назывался фельетон Леонида Лубана, опубликованный в нашей газете 22 декабря 1959 года. В фельетоне рассказывалось о том, как Г. А. Мартыненко, заключив с Военным издательством договор на книгу о герое гражданской войны, нанял себе в качестве помощника бывшего журналиста Н. Анапского.

В письмах, полученных редакцией, читатели поддержали выступление газеты, считая, что поступок Г. А. Мартыненко заслуживает осуждения, как нетерпимый в практике нашей печати.

Вместе с тем в ряде писем читатели упрекают автора фельетона в излишней резкости отдельных выражений, справедливо подчеркивая, что самая острая и верная по существу критика не должна выливаться в оскорбительную по отношению к критикуемому лицу форму. Редакция согласна также с высказываниями тех читателей, которые считают, что автор фельетона, знавший об активном участии Г. А. Мартыненко в гражданской войне и об его службе в качестве адъютанта командира, о котором задумана книга, не имел достаточных оснований, опираясь только на приведенный в фельетоне факт, брать под сомнение право Г. А. Мартыненко выступать с воспоминаниями и делать вывод о моральном облике и литературных способностях Г. А. Мартыненко.

В фельетоне указывалось, что Г. А. Мартыненко, не ограничившись договором с Воениздатом, «завязал отношения с издательствами Краснодара, Ставрополя, Ростова, Сталино...». При проверке это утверждение автора фельетона не подтвердилось. Договор Г. А. Мартыненко был заключен только с Воениздатом.

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Прошу передать через «Литературную газету» мою глубокую благодарность всем учреждениям и товарищам, приславшим мне поздравления по случаю моего шестидесятилетия.

М. В. НЕЧКИНА

НА СОИСКАНИЕ ЛЕНИНСКИХ ПРЕМИЙ

Люди смелой жизни

ЗАМЕТКИ КРИТИКА

Г. МАКОГОНЕНКО

Русским писателям, жившим в трудные, подчас трагические эпохи, было свойственно стремление предугадать будущее своей родины. На пути к Сахалину, захваченный могучей, неистовой красотой Сибири, Чехов записал в путевом очерке: «Я стоял и думал: какая полная, умная и смелая жизнь осветит со временем эти берега!»

...Полная, умная, смелая жизнь. Разве мы не узнаем наше время? Радующая особенность работы писателей за последние годы — их стремление полнее выразить наше время, чтобы предугадать будущее. О людях смелой жизни написано немало талантливых книг. Лучшие из них выдвинуты на соискание Ленинских премий. Широкое обсуждение их, именно всестороннее обсуждение, должно стать традицией. Современный читатель активен. Он пришел на помощь критике в отборе лучших произведений, участвуя в широком общественном обсуждении тех, кто достоин Ленинской премии. Наш долг — истолковывать это лучшее.

В числе отобранных для обсуждения прозаических произведений—романы «Живые и мертвые» К. Симонова, «Сильнее бури» Ш. Рашидова, «Соль земли» Г. Маркова, «Человек и оружие» А. Гончара, повести В. Кожевникова «Знакомьтесь, Балуев», Ч. Айтматова «Джамиля» и «книга» В. Солоухина «Капля росы» (жанровое определение принадлежит автору). Резко различны индивидуальности всех этих писателей, избранные ими жанры, изображенные события и герои. Но есть нечто, объединяющее новые произведения: на них ясно видна печать нашего времени, они глубоко современны. Это проявляется и в жизненной позиции писателей, и в строе чувств героев, и в поисках новых жанровых форм. Не имея возможности охватить материал всех прозаических произведений, я хотел бы обратиться только к трем книгам: К. Симонова, В. Кожевникова и В. Солоухина.

Истинное искусство — всегда исследование жизни, всегда открытие. Но художник открывает лишь то, что создается в процессе творческой деятельности народа.

Уровень литературы, высота и степень ее достижений определяются историей, зависят от народного нравственного опыта. В этом органическом взаимодействии — секрет современности литературы в целом, своевременности каждой новой книги в отдельности. Современность обсуждаемых книг в том, что они выразили сегодняшний этап нравственной жизни народа.

Судя по многим талантливым произведениям прошлого года, литература обретает новые качества, в ней идет интересный поиск новых средств выражения духовной жизни современника.

Мы живем в пору, предсказанную Марксом и Энгельсом и названную ими эпохой массового порождения коммунистического сознания. Рубежом этого качественно нового этапа в истории становления социалистического человека была Отечественная война. Исключительные обстоятельства войны, проявив с особой полнотой накопленные нравственные качества советского человека, определили тот высокий героизм народа, который и был массовым проявлением коммунистического сознания.

Поколение, выигравшее войну, и сейчас является цементирующей силой общества. Миллионы людей потому и движутся вперед так свободно и с таким успехом, что за их плечами — опыт победителей.

Литература выразила эту связь и это единство. Оттого глубоко современны произведения об Отечественной войне — будь то в прозе, в поэзии или в кино.

Роман К. Симонова «Живые и мертвые» посвящен первым месяцам войны — от трагического воскресенья 22 июня до декабрьских сражений под Москвой. Может показаться, что это еще один «военный роман». И только. Однако роман Симонова — книга новых путей; война и народ, выигравший войну, раскрываются в нем совершенно особенно; в этом — большая и принципиальная удача писателя.

Роман привлекает суровой правдой. Но Симонов выступает не просто честным летописцем. С позиций опыта сегодняшнего дня он исследует как художник обстоятельства жизни советского общества той эпохи, советского человека, яростно отстаивающего свое отечество.

В центре романа оказывается тема доверия, раскрываемая через судьбы героев. Симонов не предлагает универсального принципа изображения трагических событий войны. Но эта тема открыта писателем. Развертывание ее позволило автору по-новому изобразить народ: это уже не просто множество участников больших исторических событий, не фон, на котором развертывается драма главного героя. Народ раскрыт в романе как единство миллионов людей, из которых каждый — индивидуально неповторимая личность.

Многочисленных героев Симонова — участников войны — нельзя по традиции причислить к героям второго плана. Вспомним Козырева, Малинина, маленькую докторшу или бойца Леонидова, любившего допытываться, «для чего человеку голова дадена». Каждый из них — законченно выписанный характер. Вот почему «Живые и мертвые» принципиально нельзя рассматривать как роман одного героя. Героем является народ, а народ раскрывается как такое единство советских людей, в котором каждый человек — богатая личность.

Здесь многое — от времени, от эпохи. Тот же пафос воодушевлял и В. Кожевникова и В. Солоухина. Самостоятельно и независимо друг от друга, на другом материале они в своих произведениях пришли к тем же радующим результатам. Коллектив строителей газопровода в повести «Знакомьтесь, Балуев» — не фон для главного героя. Да Балуев вовсе и не главный; уделенное ему в повести большее число страниц обусловлено его ролью начальника участка в сюжетном рассказе о трудовом подвиге строителей.

Именно глубокое доверие к человеку позволило В. Кожевникову преодолеть каноны так называемых производственных повестей и романов и создать поэтическую книгу о героях семилетки. Водолаз Бубнов, сварщик Шпаковский, комсорг Зайцев, машинист Лупанин, сварщик Марченко и многие, многие другие раскрыты как цельные характеры, богатые индивидуальности, душевно щедрые люди. И чем ярче обнаруживается внутренний мир каждого отдельного строителя, тем полнее раскрывается подвиг коллектива, достоверней предстает масштаб строительных работ семилетки, героизм народа.

В. Кожевников назвал свое произведение повестью, но она далека от традиционных повестей. Перед нами собранные воедино маленькие новеллы о жизни каждого из строителей, и как каждый из них существует только в многообразных связях с другими, так эти новеллы составляют органическое единство.

Еще более подчеркнуто порывает с привычными жанрами «Капля росы» В. Солоухина. Книга эта лирична. Автор не боится рассказом о себе объединить объективную историю родного Олепина. Через призму субъективного «я» в книгу вторгается объективная действительность.

Попытка подойти к роману К. Симонова «Живые и мертвые» со старых позиций породила в критике споры о типе романа. Высказывается мысль, что автор допустил просчет, взявшись писать книгу о большом историческом событии с главным героем в центре, в то время как нужно было писать роман событийный, «панорамический». Писателю рекомендуют раскрывать явления, сплетенные в тугом узле 1941 года, с помощью еще более широкого панорамического описания событий. Смысл упреков — в убеждении критиков, что правду больших исторических явлений можно раскрыть только через объективный показ событий.

Мне кажется, что К. Симонов идет другим путем и, не выдвигая его, как единственно правильный, одерживает настоящую победу. Доверяя героям, он изображает не события, а народ в событиях. Горькие картины отступления, героизма солдат, не поддержанных техникой, — все это волнует и наполняет сердце особенно острой болью именно потому, что в центре стоит человек, стремящийся понять случившееся, разобраться в несчастьях, беспощадно задающий себе роковой вопрос: почему война оказалась для нас внезапной, почему в армии не было нужной техники, почему враг обладал численным превосходством?

Размышляя, сурово анализируя жизнь, герои обретают зрелость, закаляют волю, находят новые силы для сопротивления врагу. Вне сознательного анализа положения дел, вне поиска ответа на важнейшие вопросы герои романа «Живые и мертвые» не могут идти вперед. И как бы горек и даже оскорбителен ни был найденный ответ, они не затаивают обиду в сердце, но с еще большим мужеством сражаются с врагом.

Проблема доверия проходит через сердце личности и народа. Недоверяющий всегда преувеличивает свою персону. «Другие» оказываются лишь слепыми и послушными исполнителями его воли. Недоверие, особенно недоверие «начальника», чувствующего себя «повелителем», — как пишет Кожевников, — ведет к принижению личности, к оскорблению достоинства, к неуважению прав. Так, накануне войны оказался изъятым из общества старый коммунист и опытный командир Федор Серпилин. Ему не поверили. Поверили приспособленцу Баранову. Оскорбленный, обиженный, Серпилин не обиделся: в нем нельзя было убить коммуниста, убить достоинство личности: вернувшись в армию уже во время войны, он стал яростно, умно защищать Родину, находя единственные нужные и правильные решения в тягчайших и непредвиденных обстоятельствах, не ожидая подсказки. Баранов струсил. Это естественно — он лишь исполнитель. Когда он остался один на один с опасностью, ему неоткуда было черпать силы, душа его была пуста. Он начал спасать свою шкуру.

Счастливо сложилась вначале судьба Козырева, лично Сталиным произведенного после Халхин-Гола из полковников в генерал-лейтенанты. Но перед лицом смерти, разбитый, изломанный, лежа на земле, Козырев проклял впервые в жизни тот день и час, признавшись себе, что «не умел командовать никем, кроме самого себя и своей эскадрильи, и стал генералом, в сущности, оставаясь старшим лейтенантом».

Карьера Козырева — оборотная сторона того же недоверия. Ему приказали быть не тем, кем он был,— мужественным, опытным летчиком Козыревым. Ему сказали: будь генералом. Он стал им — и это обернулось трагедией для него, для тысяч людей, которыми он не умел командовать.

Проблема доверия имеет еще один аспект — отношение писателя к своим героям, его выбор форм и путей художественного выражения своей идейной позиции. В критике, которая единодушно отмечает неоспоримые достоинства прозаических произведений, выдвинутых на соискание Ленинских премий, высказывалось, однако, мнение, что герои, которые в ходе сюжетного развития оказались на положении главных — Синцов у Симонова, Балуев у Кожевникова — удались авторам в меньшей степени, чем произведения в целом. В чем же дело?

Мне кажется, что, задумав по-новому показать сражающийся народ, К. Симонов не сразу поверил в возможность единого и цельного произведения без главного героя. Так появился Синцов. В ходе же развития многих человеческих судеб родилась новая цементирующая роман сила, А Синцов остался «главным», как сохранившийся след первоначального замысла автора.

Вся система созданных Симоновым образов требует активного выражения авторской позиции. Но автор сознательно сдерживает себя, пытаясь всю правду больших событий передать только через созданные им характеры. И все же незаметно для себя он вторгается в роман. Напомню случай, когда пять артиллеристов, отступавших с боями от Бреста и вынесших убитого в бою командира, стоят перед Серпилиным, и, смотря на них, он думает, «что именно эта невероятная история и есть самая настоящая правда, а то, что пишут немцы в своих листовках про свою победу, есть только правдоподобная ложь, и больше ничего». За этой авторской передачей дум Серпилина следует эмоционально взволнованная речь: «...пять почерневших, тронутых голодом лиц, пять пар усталых, натруженных рук, пять измочаленных, грязных, исхлестанных ветками гимнастерок, пять немецких, взятых в бою автоматов, и пушка, последняя пушка дивизиона, не по небу, а по земле, не чудом, а солдатскими руками перетащенная сюда с границы, за четыреста с лишним верст... Нет, врете, господа фашисты, не будет по-вашему!»

Это не слова Серпилина — они при-

О ДОБРЫХ ВСХОДАХ

ЗАГЛАВИЕ сборника... Не так уж просто дать имя книге, составленной из рассказов, написанных в разное время, о разных людях и событиях. Но иногда оно находится, это общее, поистине объединяющее заглавие. И тогда его воспринимаешь как тему книги, ее лейтмотив, как ключ к пониманию замысла писателя.

«Добрые всходы» — так назвал свой новый сборник очерков, повестей и рассказов Алексей Кожевников. Не ищите в оглавлении книги произведения с подобным названием. Оно — в идее каждого очерка и рассказа. Оно не случайно.

Далекая холодная Сибирь, освобождаемая от остатков разбитых белых армий. Торговое село Дудинка. Жизнь здесь еще мало чем отличается от жизни старой, царской Дудинки. По-прежнему торгуют купцы, живущие в просторных пятистенках, водящие тысячные стада оленей, держащие работников. Сюда-то и приезжает молодая учительница Александра Афанасьевна Васильева. Трудно работать на Севере. В полярную ночь в школу ходишь, держась за натянутую между домами веревку. Дует пурга, заметая избы вровень с крышей. Все приходится делать самой: и тетради линовать, и буквари на весь класс переписывать под копирку. Но здесь, в далекой полярной Дудинке, растут новые, счастливые люди, и среди них — Нюрэ, сын пастуха-долганина, в роду которого не было еще ни одного грамотного человека. Это — добрые всходы.

Прекрасная горная страна Сванетия. Долог и опасен путь сюда. Он идет через высокие снеговые перевалы, по узким тропам, открытым только летом. Вот почему по месяцу шла почта из Сванетии в Москву. Ее везли на ишаках через снежные перевалы и бурные потоки. Иногда она уплывала в Черное море, и часто адресату доставляли письма, похожие на фиолетовую кляксу. А сейчас и сюда люди провели телеграф, и ниточки телеграфных и телефонных проводов тянутся над узкими тропами в горы, а оттуда — в просторы нашей необъятной страны. Это — добрые всходы.

Рассказы А. Кожевникова не поражают занимательностью описываемых событий, остротой сюжета, яркостью и необычностью характеров. Спокойно и неторопливо повествует автор о скромных, незаметных героях. Да и героев этих не так уж много, рассказы писателя не перенаселены людьми. Но есть в книге что-то, заставляющее с активным интересом прочитать всю ее — от первой до последней страницы. Это «что-то» — присущее автору чувство современности, умение увидеть и показать даже в крохотном, неприметном событии то новое, хорошее, большое, что появилось в жизни и сознании советского человека. Книга волнует и потому еще, что рассказам А. Кожевникова свойственна какая-то особая, очерковая достоверность.

Они как бы вышли из очерков, настолько ощутима в них невыдуманность фактов, самой жизнью занесенных в записную книжку наблюдательного писателя, умеющего видеть достижения и не боящегося сказать о плохом, о том, что мешает нам двигаться вперед. Веришь автору — он жил с людьми, о которых пишет, знает их нужды и заботы, исходил с ними не одну тропку. И недаром в книге рассказы перемежаются очерками. Стараясь идти в ногу с жизнью, он подчас заявляет об увиденном оперативными очерками. И в них видится тема для будущих больших его выступлений. Путешествие по Енисею от Минусинска до острова Диксон рождает мысли о трудном, но радостном преображении реки, по берегам которой поднялись новые города — Абакан, Игарка, Норильск. Поездка по целинным дорогам заставляет задуматься о новом значении слова «целина», бывшего раньше нарицательным, а сейчас произносящегося с большой буквы, как Сибирь, Кавказ, Украина, и именующего собой «огромную страну, которая раскинулась по просторам нескольких республик, страну, вспаханную, возделанную, заселенную, страну юности». И в этой «стране юности» поистине своим человеком оказался старейший русский писатель Алексей Венедиктович Кожевников, которому только что исполнилось семьдесят лет. Показательна сама география его очерков и рассказов: Сибирь, Хакасия, целина. Автор там, где громче всего бьется пульс современности, где сегодня куется общество будущего. И его новая книга интересна прежде всего потому, что она — своего рода дневник больших и малых дел нашего поколения.

А. ПЕТУХОВА

А. Кожевников. «Добрые всходы». Издательство «Молодая гвардия». 1960.

Коротко о книгах

ПОЭМА ПОСВЯЩЕНА ГАГАНОВОЙ

«Героическое в будни», «повседневный подвиг» — подобные слова стали чуть ли не газетными штампами. Но за этими привычными определениями всякий раз скрывается подлинная душевная красота, истинный героизм. За ними — наши люди, творцы коммунизма.

Пусть не всегда удается поэту Андрею Дементьеву (чья поэма о Валентине Гагановой «Дорога в завтра» вышла недавно в Калинине) избавиться от этих привычных выражений. Но он все-таки сумел показать и красоту трудового подвига Гагановой, и его «человеческое» содержание, и его логичность, естественность для советского человека:

Только нету
Иного выхода,
Мы в отцов
уродились —
Гордыми...
А для сердца
Одна лишь
выгода —
Без остатка
Быть людям
Отданным.

ХОРОШИЕ ЛЮДИ

Эта девушка не водит корабли и не запускает ракеты. Она не солистка ансамбля и не известный полевод. Она — водитель трамвая, который ходит по городу Иркутску и который обслуживает первая во всем пирне бригада коммунистического труда. Сотни людей проходят за день через вагоны этого трамвая, и многие пассажиры выходя, благодарят девушку. Вот о таких простых людях и рассказывает книга журналиста Владимира Чачина «Хорошие люди — рядом с тобой» (Профиздат, 1960).

«ВОЛНЕНИЯ, РАДОСТИ, НАДЕЖДЫ»

Так называется книга Вл. Немцова, только что вышедшая массовым тиражом в Госполитиздате. В основу ее положены выступления писателя в нашей печати, в частности в «Литературной газете», по вопросам воспитания.

Любомир ДМИТЕРКО

Весенний ветер

Весенний ветер остро пахнет дымом,
В садах сжигают лиственную прель,
И кажется невероятным дивом
Прозрачных дней сквозная акварель.

Готов былинку в поле целовать я,
Когда весною, сердце веселя,
От прошлой грязи очищает платье
И воскресает заново земля.

Когда бы так же в солнечном апреле
Я ежегодно мог бы вновь ожить,
И эти дни тончайшей акварели
Могли бы мне ровесниками быть,

Мои стихи звенели б вешней силой,
Всегда искали новые пути,
Ко мне бы в гости юность приходила,
Чтоб вновь греметь и снова отцвести.

А впрочем, нет, не надо! Лучше все же
Прощаться раз, чем каждый год опять.
Никто уйти от истины не может:
Большому счастью дважды не бывать!

Перевел с украинского
Дмитрий СЕДЫХ

В тридцатых годах вышли первые книги молодого писателя — сборник стихотворений «Иду» и сборник рассказов «Ветер с Востока». Сегодня Любомир Дмитерко — писатель широкого жанрового и творческого диапазона — встречает свое пятидесятилетие как поэт и драматург, прозаик, публицист и переводчик. На творческом счету Л. Дмитерко — немало книг. Его произведения переводились на многие языки народов СССР и стран народной демократии.

В связи с 50-летием Л. Дмитерко президиум правления Союза писателей Украины направил ему приветствие, в котором говорится:

«Как на стройках пятилеток и фронтах Великой Отечественной войны, так и сегодня в наши дни Вы находитесь в водовороте жизни, воспевая героику борьбы за коммунизм. Ваши произведения утверждают идеи мира, пролетарской солидарности с людьми доброй воли всего света, разоблачают врагов мира, прогресса и демократии, восславляют труд, борьбу, духовную жизнь современников».

С горячим приветствием обратилось к Л. Дмитерко правление Союза писателей СССР.

КИЕВ (Наш корр.)

Молодость Заполярья.

Фото Г. Надеждина

Встреча в журнале «Октябрь»

Важнейшим проблемам жизни и литературы, вставшим перед советскими писателями в преддверии XXII съезда партии, была посвящена недавняя встреча сибирских литераторов с московскими писателями — членами редколлегии журнала «Октябрь». В ней приняли участие С. Бабаевский, С. Васильев, И. Виниченко, А. Волошин, П. Воронин, Л. Иванов, С. Кожевников, В. Кочетов, К. Лисовский, Л. Шейнин и другие.

Гости журнала рассказали о своих новых работах и творческих замыслах, говорили о дальнейшем развитии сельского хозяйства Сибири в свете решений последнего Пленума ЦК КПСС, создании за Уралом крупнейших научных центров, движении бригад коммунистического труда на шахтах Кузбасса и т. д. Эти проблемы привлекают сейчас глубокое внимание как литераторов-сибиряков, так и журнала «Октябрь», в частности его постоянного раздела «Живая Сибирь».

ЛИЧНЫЙ МИР КРИТИКА

В. НИКОЛАЕВ

«В СУЩНОСТИ, когда мы читаем, или созерцаем художественное произведение нового автора, — писал Лев Толстой, — основной вопрос, возникающий в нашей душе, всегда такой: «Ну-ка, что ты за человек? И чем отличаешься от всех людей, которых я знаю, и что можешь мне сказать нового о том, как надо смотреть на нашу жизнь?»

Что ты за человек? Что любишь и что ненавидишь ты в жизни, что утверждаешь и отрицаешь в искусстве? Эти вопросы закономерно встают перед читателем и тогда, когда он открывает первую книгу критика.

В критике нетерпимы те предвзятые, эстетские по сути представления, о которых говорил не столь давно М. А. Суслов. Когда декларирование собственных вкусов заменяет глубокий, объективный анализ произведений искусства, критика перестает существовать, она исчезает и как наука, и как специфический род художественной деятельности. Но мы вовсе не безразличны к «личному миру» исследователя литературы. Не равнодушный к «добру и злу» олимпиец, с неземных высот изрекающий свой приговор, не безмятежный регистратор литературных происшествий, не спокойный счетовод, перебрасывающий на костяшках итоговый баланс авторских прибылей и убытков, а партийный писатель, публицист и пропагандист, страстно отстаивающий самое дорогое для себя в жизни и искусстве, — вот что такое литературный критик.

На Украине действует большой отряд литературных критиков.

Боевым темпераментом, сочетающимся с научной глубиной, эмоциональной увлекательностью, отмечены изданные в Москве и Киеве работы Леонида Новиченко, Николая Шамоты, «патриарха» украинского литературоведения академика А. И. Белецкого. Лучшим традициям русской и украинской публицистики, опыту старших товарищей по критическому перу стремится следовать и берущаяся за этот «оружия любимейшего род» молодежь.

В литературной жизни Украины не прошли незамеченными первые сборники молодых критиков и литературоведов — Ивана Дзюбы «Обыкновенный человек» или мещанин?», Юрия Барабаша «Поэт и время», Виктора Иванисенко «Современная лиро-эпическая поэма».

И. Дзюба пришел в литературу со своей выношенной темой. Для него критика — не раздача отметок по успеваемости и прилежанию, а средство вмешаться в жизнь, в борьбу между творческим, созидательным и паразитическим, потребительским отношением к миру, между коммунистической идеологией и остатками собственнической идеологии. Он справедливо видит в этом один из острейших конфликтов современности. Антимещанский пафос нашей литературы — это и его, критика, личный пафос. И нутро мещанина, крохоборческую философию обывателя, убогую душу деляги он разглядит порой острее и глубже, чем иной незадачливый литератор, принявший отрыжку эгоизма за «внутреннюю сложность» своего героя, его паразитическое существование — за «поиски внутреннего призвания».

Анализируя роман Любомира Дмитерко «Разлука», повести «Девушка из предместья» В. Петльованного или «Друзья не изменяют» А. Гуреева, И. Дзюба выявляет объективное содержание литературных образов. Он не может умиляться, как А. Гуреев, тем, что герои повести после десятилетки идут на производство, идут только потому, что теперь для вуза требуется стаж, идут за стажем, как за пропуском. В рассуждениях юных конъюнктурщиков критик улавливает черты обывательского приспособленчества, а не зрелость собственных убеждений. Он иронически комментирует эти поступки персонажей, раскрывая эгоистическое начало, движущее ими.

Сергей Сурмач, в котором А. Гуреев видит будущего поэта, не принят в университет: члены приемной комиссии проглядели его талант и призвание. По-бездельничав некоторое время, он едет на строительство комсомольской домны. Там он стремится обрести как необходимый стаж для вуза, так и «производственный колорит» для своих виршей. Уже в вагоне Сергей предвкушает победы над газетными редакциями, отвергавшими до сих пор его скороспелые сочинения. «Теперь он не только чувствует, а и видит то, о чем пишет. Пусть потом газетные консультанты упрекнут его в незнании материала. Дудки!» — всерьез передает его думы писатель. «Трепещите, газетные консультанты! Стихоплет Сергей Сурмач готовит против вас самое могучее оружие: справку о знании материала!» — комментирует эти думы критик.

И. Дзюба умеет создать свой образ литературного персонажа, который будет совершать те же самые поступки, говорить те же слова, что и его однофамилец и двойник в рецензируемом романе. Но сущность этого образа будет обнажена в ином свете — негодующем, насмешливом, пародийно-ироническом. Критик не просто иронизирует над обывателями. — обличая мещанство, он говорит и о высоких революционных традициях, и о подлинной красоте советского человека. Приподнято-эмоционально пишет он, к примеру, о героях А. Довженко и И. Сенченко. И это не дань необходимой «пропорции», — здесь критик видит реализацию своего идеала и с высот этого идеала обрушивается на мещанство.

В своей речи на встрече руководителей партии и правительства с представителями творческой интеллигенции 17 июля 1960 года М. А. Суслов не случайно говорил как о «бережном и уважительном отношении к таланту», так и о недопустимости «снижения критерия», установления «заниженных эстетических мерок». Ведь это не две разные задачи, а единая в основе и сущности своей цель. Бережное отношение к таланту предполагает высокие критерии, а уважение труда писателя диктует повышенные эстетические требования к искусству.

Книга И. Дзюбы не свободна от ригоризма, свойственного молодости. Иногда автор не обходится без критических «перехлестов», слишком запальчивых оценок.

Думается, что чаще всего они идут от увлечения критика излюбленным им приемом пародирования неудачного образа, точнее — от издержек такого приема. В самом деле: не мешает ли это порой той необходимой серьезности разговора, без которой нельзя трезво оценить характер и результат писательских поисков в освоении жизненного материала, особенно, если этот материал связан с современностью? Скажем прямо: иногда мешает. Тому пример недавняя рецензия И. Дзюбы на роман «Вечерние огни» Ю. Черного-Диденко («Литературная газета» от 19 января 1961 г.). Критик верно нащупал существенные недостатки этого произведения, но, увлекшись приемом пародийного обнажения недостатков, не сумел трезво оценить хорошие намерения автора и причины постигшей его неудачи.

В книгах Ю. Барабаша и В. Иванисенко меньше явных «перехлестов», авторы спокойнее в оценках, умереннее в эмоциях. Если И. Дзюбу не очень волнуют литературоведческие обобщения, но больше — практический, предметный вывод, то Ю. Барабашу и В. Иванисенко факты искусства служат материалом для теоретических построений, обобщающих концепций. Не все из них в равной степени блещут новизной, но сама тяга к ним составляет сильную сторону критиков.

Ю. Барабаш, автор книги «Поэт и время», проявляет пристальный интерес к внутреннему миру поэта — достоинство, которое, к сожалению, отступает в некоторых его более поздних статьях, где к литературному произведению порой предъявляются требования, не учитывающие творческую индивидуальность писателя.

Характеру лирического героя Ю. Барабаш предъявляет высокие требования, он хочет видеть в нем и широту кругозора, и богатство духовных стремлений. Вот критик комментирует образ лирического героя у молодого поэта П. Сынгаевского, автора книги «Лирика моей весны»:

Бродит парень с распахнутым воротом,
С веткой белой сирени в руке.

«Этому странному юноше ни до чего нет дела: ни до города, живущего кипучей трудовой жизнью, ни до людей... Он — поэт, к тому же поэт влюбленный. И в своих стихах он чужими, выдуманными словами поет про глаза, «для которых и сравнений настоящих нет», жалуется на то, что любимая «без сожаления сердце иссушила», уверяет, что живет «в каком-то волшебном краю», и манерно, с надрывом выкрикивает:

Взгляд восторгом жгучим
Душу напоил...
Зацелую рученьки
Смуглые твои».

Ю. Барабаш касается многих вопросов современной поэзии (проблема характера и конфликта в лирике, поэтической индивидуальности и т. д.), но через все статьи и портреты его книги проходит мысль о писателе-гражданине, о боевом, общественно значимом характере лирической музы.

Более «академический» оттенок носит работа Виктора Иванисенко. По сути, это теоретическое исследование о послевоенной украинской поэзии, выполненное на широком и разнообразном материале, анализирующее и обобщающее многие и многие литературные факты.

Литературовед здесь явно превалирует над критиком-публицистом. Это сказывается, в частности, на языке книги, порою трудном для массового восприятия, излишне усложненном, на отвлеченно-теоретическом характере ряда страниц. В угоду теоретической «концепции» В. Иванисенко может порою мириться со стихами посредственными, «логическое» в нем иной раз заглушает «эмоциональное».

Но (и в этом главное!) работа В. Иванисенко, при более глубоком взгляде на нее, находится в общем ряду молодой украинской критики, она сродни книгам его начинающих коллег своей внутренней устремленностью. Дело не только в том, что при анализе отдельных поэм («Рождение легенды» П. Воронько, «Прометей» А. Малышко, «Матвеевка над Сулою» И. Выргана, «Танюша» Н. Тихого и др.) автор проявляет и критическое чутье, и эстетическую требовательность. Исходная мысль исследователя — это мысль о том, что сама советская действительность, полная романтики, высокого творческого горения, героики будней, «живит героическое устремление поэмы, а героическое и есть тема эпоса».

Если бы можно было соединить в одно целое все сильные стороны И. Дзюбы, Ю. Барабаша, В. Иванисенко, то, наверное, этот критик, «един в трех лицах», потерял бы непосредственность и индивидуальность, присущую каждому из троих порознь. Точно так же и с их слабостями — у каждого они свои. Так, если И. Дзюбе следует пожелать большей тонкости и проникновенности в анализе сложных, противоречивых жизненных явлений, получающих свое отражение в литературе, то Ю. Барабашу и В. Иванисенко хотелось бы сказать, что их критические выступления только выиграют, если из них полностью исчезнет проявляющееся иной раз желание защищать защищенное, утверждать утвержденное.

Выходя в трудное плавание по безбрежному литературному морю, каждый критик должен постоянно помнить, что это и к нему, к нему лично, обращены замечательные довженковские слова: «Что вы любите? Без чего не можете жить? За что вы готовы идти ежедневно и еженощно на подвиги, жертвы, страдания? Что не дает вам спать, отдыхать, радоваться? Вам лично, одному-единственному? Просветите меня. Назовите самую главную вашу личную творческую страсть, без огня которой весь мир провалится в бездну. Или нет у вас ее, а есть лишь готовность отвечать моменту?!»

Выражая своим творчеством (при всех индивидуальных оттенках) общую линию критики социалистического реализма, утверждая коммунистические идеалы в жизни и литературе, молодые украинские исследователи раскрывают в первых своих книгах и свой «личный мир», внутренний мир молодого советского критика — литературоведа наших дней.

ХАРЬКОВ

надлежат автору, который не мог остаться равнодушным перед лицом подвига рядовых советских людей: он понимал, что именно в подобных судьбах раскрывается секрет будущей победы. Так же субъективен образ кровоточащего сердца в рассказе о танкистах Климовича.

Я не призываю К. Симонова к злоупотреблению лирическими отступлениями, а лишь отмечаю факт: они не оказались чужеродными по отношению ко всей художественной структуре романа, не помешали полнее и отчетливее передать объективную правду жизни. Но они не стали принципом выражения жизненной позиции автора. Они как бы ворвались неожиданно для него самого. Не превратное ли толкование проблемы субъективности в советской литературе породило недоверие автора к самому себе?

НЕКОТОРУЮ настороженность по отношению к избранной форме выражения своей авторской позиции, по-моему, проявляет и В. Солоухин. Создавая «книгу» о жизни деревни Олепино за тридцать лет, он принципиально положил в основу личный опыт. Связи советского человека с миром, с другими людьми, с делом всего народа так глубоки, так разносторонни, так органичны, что авторское «я», душа писателя, сливаясь с душой народа, способна, как в капле росы, отразить нравственный опыт народа. Критика уже отметила, что появилось несколько своеобразных по форме книг, рассказывающих о больших событиях нашей жизни с позиций личного опыта автора, с позиций субъективности. Таковы «Дневные звезды» О. Бергольц, «Ледовая книга» Ю. Смуула, такова и «Капля росы».

Утренней свежестью, пьянящим ароматом юности, страстной влюбленностью в жизнь, в нашу советскую жизнь дышат страницы книги В. Солоухина. Прав С. Антонов, когда видит в «Капле росы» не «энциклопедию деревенского детства», но книгу, которая дает читателю почувствовать, как далеко шагнул вперед житель этой деревни за прошедшие тридцать лет. И все же В. Солоухин, по-моему, не исчерпывает возможностей, заложенных в лирическом подходе к событиям. Иногда он почему-то становится в позу комментатора. Рассказывая о тридцати шести семьях Олепина, писатель всякий раз дает справку о том, что делается в каждой семье сейчас. Большинство концовок тревожно печальны — старики померли, молодые ушли из родного Олепина в Москву, Балахну, Владимир... ушли в город. Что случилось? Почему люди бежали из деревни, порывая с домом, с любимым трудом? Но автор не дает нам ответа. И только в конце, на последних страницах книги он дает сухую справку: уходили потому, что беднел колхоз, а обеднение было следствием общего положения дел в сельском хозяйстве, которое теперь, после сентябрьского Пленума ЦК КПСС 1953 года, начало исправляться. Далее пересказываются некоторые моменты решения Пленума. Эту свою позицию автор пытается мотивировать: «Вопрос достаточно сложен, чтобы не в специальной научной книге, а в лирических записках обойтись без некоторого, может быть, упрощения и приведения к прозрачной короткой схеме, объясняющей существо дела».

Почему так?

Почему после того, как с такой страстностью, так любовно, подробно и выразительно раскрыта красота юности, красота природы Олепина, о большой беде народа рассказано так бегло и так сухо? Не снижает ли это гражданской активности книги, столь жизненной, яркой, сильной авторским стремлением лично, непосредственно вмешиваться в жизнь? Думается, в отказе от исследования причин ухода жителей Олепина из родного села проявляется, в частности, недооценка субъективности, некоторое недоверие писателя к личному опыту.

В СТАТЬЕ «Борьба или отображение?» С. Антонов справедливо горит о важности четкого выявления авторской позиции. Он признается, что главный герой повести Кожевникова «Знакомьтесь, Балуев» чем-то ему антипатичен. Считая, что такой рассудочный, рационалистический характер возможен и реален, С. Антонов упрекает автора в навязывании читателю «отношения к этому не самому приятному герою как к человеку будущего». Хочется поспорить с С. Антоновым. У меня Балуев вызывает другое чувство. Я полюбил его, но вместе с тем — мне его жаль, как жаль человека, которому вдруг надломили жизнь. Как это ни грустно, это сделано автором, — конечно, не по злому умыслу.

Павел Балуев, начальник участка подводно технических работ строительства магистрального газопровода, — один из рядовых командиров и опытных организаторов строек, разбросанных по всей нашей стране. Занятый сложными хозяйственными делами, живя всегда в заботах, в вечных разъездах, он не растерял душевной чистоты и деликатности. Свободно отступая от сюжетного повествования, автор рассказывает о жизни своего героя. Балуев один из тех, кого мы зовем старыми комсомольцами. Еще в годину первого индустриального штурма пришел Пашка Балуев из деревни на стройку. Мы узнаем много драгоценных подробностей о Балуеве-комсомольце, Балуеве-строителе накануне войны, о Балуеве на войне. В больших испытаниях закаляются такие характеры. Ему свойственны многие человеческие слабости, он горюет, что не успел вовремя кончить институт, и оттого недостаток образования приходится восполнять огромным практическим опытом. Он честен, энергичен, исполнен веры в будущее. Он истинный наш современник, герой семилетки. Автор знакомит нас и с женой Балуева. Пройдя вместе с мужем нелегкий путь, Евдокия Михайловна не только воспитывала детей, но и училась. Бывшая арматурщица пошла в науку. Хрупкая, но решительная и властная, она выхаживала душу Павла, помогая ему воспитывать в себе человека.

Автор сумел отлично показать целомудренность отношений Павла и Евдокии Балуевых, рассказать об их преданно гордой любви...

Вот почему веришь, что строители не только уважают Балуева как опытного, боевого начальника, но любят как человека, старшего товарища.

Таков Балуев. Как всякий художественный образ, он развивается самостоятельно, не перенося над собой насилия. Но насилие над ним все же совершается. В. Кожевникову хотелось показать такого человека, который входит в будущее. Балуев, каким он предстал вначале, автора не удовлетворил. И тогда писатель начал в какой-то степени мысленно конструировать образ советского человека, достойного войти в коммунизм.

Был у Балуева взволнованный, живой человеческий интерес к другим людям. Автор превратил душевную потребность в норму административного поведения: начальник должен беседовать с людьми, потому что хозяйственник отвечает за состояние души человека не меньше, чем за состояние техники. Балуев против казенщины и равнодушия, оттого он насмешливо называет начальника отдела кадров «кадрологом». Но автор и Балуева превращает из индивидуальной личности в «кадролога» высокой марки. Балуев вдруг начинает считать, что присутствие на семейных торжествах у своих подчиненных «более обязательно и нужно, чем присутствие на некоторых ведомственных совещаниях».

По воле автора обеднены и отношения Балуева к жене, отношения, так хорошо показанные вначале. Поскольку автор объясняет, что интерес к человеку у Балуева соотнесен с интересом к машине, на которой этот человек работает, постольку отношения к детям и жене, не работающим на строительном участке Балуева, приобретают формальный характер. Изредка он посылает приветы родным с теми, кто по делам бывает в Москве. Иногда — не очень часто — он появляется дома. В таких случаях автор заставляет героя перед встречей с женой и детьми посетить косметический кабинет, где он «делает себе паровую ванну и массаж лица, замазывает краской седину на висках и обязательно шлифует ногти на сбитых о всякое железо, опухших, обмороженных пальцах». Все это — насилие над образом. Старому комсомольцу Балуеву, душевно деликатному человеку, способному гордо любить свою Дусю, понимать духовную красоту прекрасной своей подруги, — ему не нужна заемная красота косметического кабинета. Если бы автор больше доверял Балуеву, доверял верно понятому нравственному опыту нынешнего строителя семилетки, носителем которого выступает этот герой, — не рождалось бы у читателя то чувство некоторой неудовлетворенности поведением героя, о котором справедливо писал С. Антонов.

ВЕЛИКАЯ битва за человека, за богатую личность и развитые человеческие потребности идет в нашей стране. Советская литература будет приобретать все большее значение среди литератур мира, показывая истинный путь к счастью и свободе человека. В книгах, посвященных войне и мирному труду строителей семилетки, мы видим, как растет и богатеет человеческая личность. Это утверждение себя происходит в труде во имя общей цели. Связь с миром, с другими людьми, чувство ответственности за все происходящее на земле — именно на этом пути рождается щедрая свободная личность социалистического человека.

История сейчас проходит через души миллионов людей. Писательские успехи и удачи мы видим там, где авторы доверяют человеку, показывают через него большие события жизни. Недостатки даже в хороших произведениях обычно происходят от недоверия к живой ли практике современника (и тогда выражение действительного нравственного опыта народа подменяется конструированием должных качеств будущего человека), или к собственному опыту, к своей писательской субъективности. Это недоверие может рождаться от того, что долгое время понятие субъективности подвергалось нападкам, подменялось понятием субъективизма и смешивалось с ним. В действительности подлинная субъективность всегда была свойственна писателям-реалистам. Так, в «Мертвых душах» Гоголя, вершине реализма, Белинский как раз увидел и приветствовал субъективность — «не ту субъективность, которая, по своей ограниченности или односторонности, искажает объективную действительность изображаемых поэтом предметов; но ту глубокую, всеобъемлющую и гуманную субъективность, которая в художнике обнаруживает человека с горячим сердцем, симпатичною душою и духовноличною самостию, — ту субъективность, которая не допускает его с апатическим равнодушием быть чуждым миру, им рисуемому, но заставляет его проводить через свою душу живу явления внешнего мира, а через то и в них вдыхать душу живу...»

В наше время правильное понимание субъективности не в меньшей, а в еще большей мере может способствовать успехам литературы.

Бригадир сейнера.

Фото В. Минкевича

Сегодня мы начинаем печатать серию статей о военно-стратегических планах западногерманских реваншистов. Эрнст Генри — автор известных советским читателям книг: «Гитлер над Европой» и «Гитлер против СССР», вышедших в тридцатых годах в ряде стран. В этих книгах разоблачались планы германского милитаризма и на основе военно-политического анализа делался вывод о неизбежности разгрома Германии в войне с Советским Союзом.

Стратегия реванша

Эрнст Генри

1. ПОСЛЕДНЯЯ СТАВКА ГЕРМАНСКОГО ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА

ПРОШЛО более четверти века с того времени, как на горизонте Европы обрисовалась тень Гитлера и люди тридцатых годов начали всерьез думать о возможности второй мировой войны. Все в мире стало другим за эти два с половиной десятилетия, самые динамичные в истории человечества.

Другая обстановка на международной арене. В корне другое соотношение мировых классовых сил. Другая техника, другое военное оружие, другие люди во главе государств, новая карта мира. Нет Гитлера, нацистской партии, гестапо. Нет и того германского государства, из недр которого вырвалось пламя второй мировой войны. Младшее поколение знает о минувших бурях только по книгам и рассказам.

Все выглядит по-иному. Даже в космосе происходят великие перемены. Жизнь никогда не двигалась вперед так быстро, как в наши дни. И только в одном отношении мир как бы остался стоять на той же точке, не в силах сдвинуться с места. Человек, изучающий политику германского милитаризма, обнаруживает, что на повестке дня появляются те же вопросы, такие же проблемы, что и четверть века назад.

Что замышляют в Западной Германии? Правда ли, что кое-какие боннские генералы планируют третью мировую войну? Как они мыслят такую войну в современных условиях? Могут ли в таком небольшом государстве, как ФРГ, в шестидесятые годы нашего века вынашиваться подобные планы? И если могут, то на что, собственно, рассчитывают боннские милитаристы, каков их стратегический план?

Бесспорно прежде всего одно. Старой Германии нет, но старый германский генеральный штаб существует. Не подлежит сомнению, что его руководители вновь за работой, за теми же картами.

Уже давно известно, что это учреждение играет особую роль в европейской истории. Едва ли в мире когда-либо существовала другая организация, которая стоила бы человечеству столько крови. Нельзя считать это исторической случайностью. Ряд факторов привел к тому, что германский милитаризм стал бичом Европы. Одна из причин кроется в деятельности германского генерального штаба.

Германская военщина всегда считала, что ее страна существует прежде всего для того, чтобы вести войны. Немецкие милитаристы не допускали сомнений в этой мысли и передавали ее из поколения в поколение. «Пруссия,— писал французский политик Мирабо в конце XVIII века,— это не государство, которое владеет армией, а армия, которая владеет государством». Полтораста лет спустя один американский генерал пришел к следующему выводу:

«Германский генеральный штаб должен быть уничтожен. Войны, которые вела Германия, были с точки зрения генерального штаба простыми кампаниями, простыми инцидентами. Они (деятели германского генерального штаба. —Э. Г.) начали заниматься этим делом в 1806 году под руководством Шарнхорста, и они исполнены решимости править Европой».

Генералом, который пришел к такому заключению после второй мировой войны, был Дуайт Д. Эйзенхауэр.

«ЯСНОВИДЦЫ»

Нужно учесть еще одно обстоятельство. Руководители германского генерального штаба никогда не отказываются от своих замыслов и никогда не бездействуют в мирное время. В каком бы положении ни находилась буржуазная Германия, сколько бы войн она ни проигрывала, какие бы сокрушительные поражения ни несла,—германский генеральный штаб неизменно, методически, аккуратно продолжает готовить планы агрессии. Других помыслов у него нет. Для его деятелей не существует ни документов о капитуляции, ни обязательств по разоружению, ни договоров, направленных на укрепление мира. Стремление к миру самого немецкого народа их не интересует. Все их усилия после капитуляции сводятся к одному: созданию новой захватнической армии, выбору места, времени и метода очередной агрессии.

Военная машина буржуазной Германии неизменно остается в их руках, будь то при монархии, при фашистском режиме или при республике. Деятелей германского генерального штаба устраивает любой режим, кроме социализма. Возглавляя военную касту, к которой в гитлеровские годы принадлежало около трехсот тысяч офицеров, они составляют закрытую корпорацию, окруженную в милитаристской среде полубожественным ореолом. Отнюдь не выдумка, что руководители германской военщины считают себя чем-то вроде «юберменшен» («сверхлюдей»). «В полководце,—писал их учитель и идеолог граф Шлиффен, начальник германского генерального штаба в годы перед первой мировой войной, — должно быть что-то сверхчеловеческое, что-то неземное». Он же называл полководца «ясновидцем».

Почти все известные германские генералы за последние полтораста лет вышли из этого круга солдафонов, одержимых манией величия, и как бы по наследству передавали друг другу планы агрессии. За пятнадцать десятилетий порядок преемственности в германском генеральном штабе ни разу не нарушался. Должность его начальника, которую немецкие милитаристы, по свидетельству одного из них, генерала Гренера, считают «самой важной в мире», занимали в разные времена такие лица, как Мольтке, Шлиффен, Гинденбург, Сект, Бломберг, Гальдер, Гудериан. Каждый из них разрабатывал проекты завоевания Европы. Шлиффен, Гинденбург, Макензен и другие военачальники кайзера были учениками Мольтке. Людендорф и командовавшие рейхсвером в годы Веймарской республики Гренер и Сект — учениками Шлиффена, их преемники Гаммерштейн и Фрич — учениками Гренера. Руководители гитлеровского вермахта Кейтель, Иодль, Браухич, Рундштедт, Гальдер и десятки других были воспитанниками той же потомственной группы «ясновидцев» из генерального штаба, развязавших первую мировую войну.

Нить из прошлого протягивается в наши дни. Создатель боннского бундесвера Хойзингер — бывший начальник оперативного отдела генерального штаба армии; тот же пост когда-то занимали Людендорф и глава рейхсвера Фрич. Другой руководитель бундесвера Шпейдель возглавлял в тридцатые годы в генеральном штабе отдел по изучению армий стран Запада. Из 140 генералов и адмиралов бундесвера к генеральному штабу до конца второй мировой войны принадлежал 81 человек. Это ученики Бломберга, Гальдера, Браухича, Рундштедта, Кейтеля.

Деятели германского генерального штаба — люди разных поколений, разных способностей, нередко разных военных школ и направлений. Нельзя приводить их к одному знаменателю и сравнивать с автоматами. Но в одном отношении они обычно действительно похожи друг на друга, как близнецы.

В какое бы время они ни жили, с какой бы ситуацией ни сталкивалась их страна, они не считаются с опасностями для своего народа при подготовке военных авантюр. Народ для них — военное понятие: столько-то дивизий, столько-то производителей вооружения, столько-то возможных бунтовщиков. Их мышление, по сути дела, никогда не выходит из одного и того же круга идей: нападение — перемирие — нападение. Все остальное имеет для них лишь подсобное значение. Когда игра проиграна и правящий класс водворяет их на прежние места в штабах, они садятся за карточный стол и, не колеблясь, делают новую ставку.

Некоторые буржуазные историки доходили в этой связи до предположения, что германские милитаристы одержимы своего рода наследственным психозом, манией массового истребления, которая систематически прививается им еще на школьной скамье и в военной академии. Изобретались теории о «тевтонском бешенстве» и германский милитаризм толковали как психологический феномен. Авторы таких «теорий» не видели или не хотели видеть самого главного.

Германский генеральный штаб — не какая-то самодовлеющая сила, действующая вдали от людей и классов, вращающаяся в собственной орбите. В любом буржуазном государстве генералы назначаются правящим классом, живут за его счет, действуют по его указке. Подлинное значение военной стратегии германского генерального штаба всегда заключалось в том, что она представляла собой точное, концентрированное выражение политики класса, толкавшего военщину на авантюры в интересах наживы — в погоне за чужими землями, природными богатствами или рынками. Все специфическое, свирепое, бешеное в этой стратегии исходило от классовых сил, породивших и вдохновлявших германский милитаризм.

В прошлом это были те разбойничьи юнкеры-помещики и феодалы, которых Энгельс называл «грубыми, невежественными негодяями», «мясниками», «костоломами». Еще в школе они заучивали слова идеолога германского милитаризма Трейчке: «Война не должна оставить побежденному противнику ничего, кроме глаз, чтобы он мог оплакивать свое несчастье». В наш век «психоз» германской военщины отражает политику монополистов, алчность которых намного превосходит жадность старых прусских юнкеров. Хозяева концернов, заключавших коммерческие сделки на поставки ядовитых газов в лагеря смерти, идут дальше в своих милитаристских вожделениях, чем Трейчке. Их бизнес таков, что они не хотят оставить противникам даже глаз.

Надо различать причины и следствия. Если у немецкого генерального штаба действительно можно обнаружить нечто вроде одержимости идеей агрессии, то корни этого явления не в психологии людей с золотыми погонами, а в специфических противоречиях германского капитализма, давно пытающегося поглотить Европу. Но это не меняет дела. Что бы ни питало манию немецкого милитаризма — земельная рента или прибыль,— не подлежит сомнению, что реакционные генералы буржуазной Германии по сей день в ее власти. Их время истекает. Но азарт игроков не ослабевает, а, наоборот, усиливается. Ставка на войну повторяется каждые два-три десятилетия. И чем тяжелее проигрыш в предыдущей войне, тем выше очередная ставка.

В сентябре 1924 года начальник оперативного отдела тайно существовавшего германского генерального штаба подполковник Отто фон Штюльпнагель направил германскому министру иностранных дел строго секретную записку, в которой коснулся возможности «начать в недалеком будущем» реваншистскую войну. Подполковник делал предположение, что война вспыхнет «в ближайшие 10—20 лет». Как оказалось, его расчет был точен. Штюльпнагель предусматривал в будущей войне «использование воздушных сил... против открытых городов, заводов, безжалостное применение химического оружия». и т. д.

Это было за 15 лет до начала второй мировой войны и за 9 лет до прихода к власти Гитлера; как раз в то время, когда Германия готовилась предложить Англии и Франции так называемый «западноевропейский пакт», впоследствии получивший название Локарнского договора. Согласно первоначальному проекту Штреземана, Германия признавала свои западные границы, но отказывалась дать гарантии в отношении восточных границ. В декабре 1925 года западноевропейский пакт был подписан. Английские, американские и французские газеты с торжеством объявили о вступлении Германии в «концерт» западных держав и о «начале новой эры в Европе». В те же самые дни в генеральном штабе методически готовились к «блицкригу» против Франции и Англии.

ЗАВЕЩАНИЕ ПОВЕСИВШЕГОСЯ

В конце 1944 года, когда поражение Германии во второй мировой войне было уже ясно для всех, во французской газете «Комба» был опубликован секретный германский меморандум. Автором оказался тот же Отто фон Штюльпнагель, назначенный после вторжения вермахта во Францию командующим немецкими оккупационными войсками. В своей новой записке Штюльпнагель подробно, на 60 страницах, рассматривал причины поражения Германии во второй мировой войне и намечал условия будущей победы Германии в третьей мировой войне. Штюльпнагель писал:

«Нам не приходится опасаться, что условия мира будут аналогичны тем, которые навязали бы мы сами, ибо наши враги будут разделены и разобщены. Мы должны даже стремиться посеять семена будущих раздоров в следующем мирном договоре... Никакое поражение не является окончательным. Поражения — это лишь уроки, которые нужно усвоить, готовясь к следующему, более сильному удару... Наше поражение в нынешней войне следует рассматривать всего лишь как несчастный случай в победоносном продвижении Германии по пути завоевания мира...»

В феврале 1948 года Штюльпнагель повесился в парижской тюрьме. Бывший подчиненный Штюльпнагеля в германском генеральном штабе Хойзингер стал создателем бундесвера.

История почти никогда ничего не забывает и каким-то способом ухитряется сберегать самые секретные и компрометирующие документы. Когда-нибудь в хранилищах боннского генерального штаба будут, вероятно, найдены тайные меморандумы, приказы, письма, на основе которых исследователи сумеют со всей точностью рассказать о том, как в этом учреждении в пятидесятых и шестидесятых годах планировали третью мировую войну. Будут обнаружены записки, составленные учениками Штюльпнагеля в исполнение его заветов: диспозиции для нападения на всех соседей и на всех союзников Западной Германии; меморандумы с советами и указаниями боннскому министерству иностранных дел на тему о том, как этому ведомству надлежит подчеркивать миролюбивые намерения ФРГ именно в те дни, когда штаб бундесвера рассылает новые инструкции для подготовки к войне.

Все выплывет наружу, когда наступит день последнего суда над реваншистами, того суда, после которого от германского милитаризма не останется и пепла. В настоящее время исследователь не располагает полными данными. Имеются лишь отрывочные документальные сведения о военных расчетах реваншистов. Современные штюльпнагели, гудерианы и кейтели принимают все меры к тому, чтобы сохранить в глубочайшей тайне свой план мировой войны № 3. Тем не менее главные очертания этого плана постепенно вырисовываются.

Многое отличает диспозицию № 3 от диспозиции № 2, но сущность та же. Как и в прошлом, стратегия германского милитаризма диктуется классовыми силами, которые пренебрегают интересами германского народа и рассматривают его как пушечное мясо. И теперь, как в двадцатых и тридцатых годах, сумасшедшие генералы вдохновляются помешанными монополистами. Теперь, как и тогда, тех и других прикрывают дипломаты, неустанно толкующие о «правах Германии». Мир стал неузнаваем, человечество движется вперед космическими темпами, мировое коммунистическое общество не за горами. Но германский милитаризм живет не в настоящем, а в прошлом. Накануне своего исторического краха он делает последнюю, самую крупную, самую отчаянную ставку.

В 1933 году автор этих строк писал в книге «Гитлер над Европой»:

«Кажется невероятным, чтобы Германия после 20 лет испытаний, голода и кризиса, после уничтожения всей ее былой военной мощи, после страшных внутренних конвульсий пошла теперь на риск новой мировой войны с какими-либо надеждами на успех... Кажется немыслимым, чтобы Гитлер до истечения длительного срока решился на такое дело, не рискуя наверняка потерпеть еще более страшный разгром, чем потерпел Вильгельм II».

Тем не менее из анализа фактов, в частности из изучения стратегии германского генерального штаба в начале тридцатых годов, вытекал неумолимый вывод: германский милитаризм вновь готовится поднести огонь к фитилю. «Это,—писал автор, — последняя остановка перед финалом: перед нападением на Советский Союз, на сердце социалистического сектора в мире, перед началом священной войны гитлеризма за завоевание и варваризацию земного шара».

Анализ нынешней военной политики германского милитаризма приводит к аналогичным выводам, хотя обстоятельства и условия теперь, совсем другие. Но прежде чем перейти к существу вопроса, приходится разобрать некоторые аргументы тех, кто не хочет верить в возможность агрессивного курса со стороны германского милитаризма в наше время. На Западе есть люди, которые считают, что правящие круги ФРГ уже хотя бы по чисто военным и военно-политическим причинам не способны помышлять об агрессии.

Правы ли эти люди?

На этой карте изображен план нападения бундесвера на страны Центральной и Восточной Европы, согласно показаниям перешедших в ГДР западногерманских офицеров.

Карта была опубликована в печати ГДР.

СУДЬБА КИТОВОГО ФЬОРДА

Владимир БЕЕКМАН

ОСТРЫМИ, местами осыпавшимися кручами спускаются к воде голые горы. Шоссе, бегущее по щебенистым террасам, нависает вместе с берегом. А совсем внизу, на границе с водой, узкой гладкой полоской окаймляет море черный вулканический песок. И когда на берег лениво накатывается очередная волна, она оставляет на черном песке белую полосу...

Таков Хваль-фьорд, или Китовый фьорд, —большой океанский залив на западном берегу Исландии. До Рейкьявика отсюда по прямой линии не более двадцати километров.

В самом устье залива, на его северном берегу, дымятся трубы Акранесского цементного завода. Это одно из немногих крупных современных предприятий во всей Исландии, построен он всего несколько лет назад.

В глубине Хваль-фьорда, на его северном берегу, взбираются в гору приземистые серебристые резервуары. Там расположена береговая китобойная станция.

В этих местах мне довелось побывать два с половиной года тому назад. Был ясный августовский день, над заливом раскинулась бескрайняя тишина, вдали, на западе, синел в первозданном спокойствии Атлантический океан. А на китобойной станции кипела работа. Мужчины в засаленных и мятых кепках разделывали электрическими пилами только что доставленную тушу кита, отделяли жир от мяса и мясо от костей. К причалу были притянуты тросами еще четыре кита, ожидавшие своей очереди. Китобойное судно, доставившее их на станцию, стояло немного в стороне и как будто бы отдыхало, набираясь сил для нового похода.

На гладкой, почти без ряби воде фьорда лениво покачивались жирные непуганые чайки.

Мне показались тогда колыхающиеся в воде темно-серые туши китов похожими на подводные лодки. Это сравнение возникло в моем представлении просто из-за внешнего сходства. Но прошло время, и оно приобрело новый, зловещий смысл.

В последнее время из сообщений исландской печати стало известно, что правительство Исландии намеревается разрешить Соединенным Штатам создать в Хваль-фьорде базу для атомных подводных лодок, вооруженных ракетами «Поларис».

В Исландии уже есть американская военная база — в Кефлавике. Эта маленькая страна запряжена в военную колесницу Североатлантического блока, что вызывает недовольство многих исландцев. Еще несколько лет назад парламент Исландии— альтинг—вынужден был принять решение о выводе американских войск из страны. Но это решение осталось на бумаге. Более сильный «партнер» не хочет считаться с волей мужественного народа маленькой Исландии. И землю страны, не имеющей своей армии, топчут чужие солдаты.

Я видел их в Рейкьявике. Они выходили из кефлавикского автобуса и расхаживали по улицам столицы Исландии, всегда группами по нескольку человек. Вели они себя несколько настороженно, как в оккупированной стране. Молодые американцы в военных мундирах чувствовали, что они здесь нежеланные гости. Никто их не трогал. Но порой и взгляд может сказать больше, чем слова.

...На китобойной базе в Хваль-фьорде, когда я был там, мне пришлось видеть нелегкий труд исландцев. Хлеб насущный достается им не просто. Не каждый день радует океан хорошими уловами, каменистая земля острова не щедра урожаями.

Но еще более трудные дни настанут, если в Хваль-фьорде станут на причал чужие подводные лодки со смертоносными ракетами на борту. Правящие круги Исландии успокаивают народ: база будто бы ничем не угрожает Исландии и ее населению. На строительстве военной базы, пишут газеты, смогут получить работу многие безработные исландцы. Они умалчивают о том, что работа на строительстве базы временная. Но смертельная опасность, которая нависнет над маленьким народом,—постоянная.

...Китовый фьорд получил название в давно прошедшие времена, когда киты в поисках пищи частенько заходили сюда. Теперь люди с гарпунными пушками оттеснили их в далекие арктические воды, киты попадают лишь на буксир китобойных судов. Здесь их разделывают и перерабатывают.

Но когда в Хваль-фьорд придут атомные подводные лодки, для китов не останется места. А подводные лодки не прокормят людей. Штыком не убирают хлеб.

Еще нет на берегах Хваль-фьорда постов морской пехоты США. Пока здесь господствует мир и пологие волны рисуют белые полосы на черном вулканическом песке.

Дело не просто в спокойствии и тишине Хваль-фьорда, царства непуганых чаек. На чаше весов всей Исландии—судьба целого народа, столетиями упорно трудившегося на суровом, исхлестанном каменистом острове и пронесшего сквозь века древнюю, своеобразную культуру, судьба мужественного, честного и смелого народа.

Конечно, безработица для слабой, маленькой буржуазной страны—страшное бедствие. Но можно ли оправдать этим создание чужой военной базы в самом сердце страны?

Кто хоть раз видел, с какой настойчивостью отвоевывают исландцы у пустых лавовых полей каждый клочок пастбища, с каким трудолюбием выращивают они в теплицах возле полярного круга финики и бананы, тот никогда не поверит, что Исландия не может прокормить свой народ мирным трудом. Да, тяжело ловить на маленьких судах треску и сельдь в бурном океане. Нелегко охотиться на китов возле ледяной Гренландии. Но все же это, наверно, легче, чем продавать свою страну, свою самостоятельность за чужую валюту.

Мирным трудом Исландия добилась многого. Широкие торговые связи с социалистическими странами помогли ей справиться с трудностями по реализации продуктов рыболовства и китовой охоты, дали ей возможность удовлетворить потребности во многих продуктах.

Но в Исландии есть влиятельные круги, которые хотели бы выбрать иной путь— путь, который напоминает каменистые осыпи на прибрежных кручах. Их много на берегах Исландии. Издали они красивы. Идеально гладкая поверхность фантастических черно-лиловых и синих оттенков открывается взору. Но горе тому, кто осмелится спуститься туда с гребня горы! Каменную лавину не остановит ничто...

ТАЛЛИН

Игорь ЧЕКИН

РИМСКИЕ НАБРОСКИ

МЫ БЫЛИ в Риме в весенние дни февраля. Я не оговорился. Стояли синие, солнечные, теплые дни. Вместе с народным артистом СССР Игорем Моисеевым мы приехали, чтобы познакомиться с фильмом Алессандро Блазетти «Я люблю, ты любишь...», некоторые эпизоды его снимались в Москве. Но было еще много встреч, они остались в памяти. Они записаны эскизно, это— скорее всего—беглые наброски.

Глаза сицилианца

На фоне безрадостных жилых зданий, однообразных в своей бедной архитектуре, мы видим на узкой и чахлой площади двора человека с необыкновенно грустными глазами. Около человека — маленький старый патефон. Видимо, и мелодии, которые слушает этот итальянец, печальны. Картина называется: «Отдых в воскресный день».

Художник Ренато Гуттузо показал нам это полотно самым первым и сразу же невольно заставил нас простоять несколько минут в полном молчании, пораженных трагическим светом глаз владельца маленького патефона.

Эти глаза уже не оставляли нас в мастерской художника. Они возникали вспыхивали и гасли на многих полотнах. Хотя сюжеты картин были иными, каждая из них волновала своей глубокой драматичностью.

Почему глаза молодого сицилианца горят на многих полотнах художника Гуттузо?

Кадр из нового итальянского фильма «Все домой». Справа — Эдуардо де Филиппо.

В одну из своих поездок по стране Ренато увидел молодого человека с поразившим его взглядом. Он написал портрет сицилианца. Тот, кому принадлежал этот полный печали взгляд, плохо жил, нуждался, не знал, что такое надежда на лучшие времена. Его глаза словно преследовали художника. Теперь сицилианец в Риме. И вот во всех картинах, где замысел художника направлен против социальной несправедливости, сверкают трагическим огнем безысходности глаза сицилианца.

Гуттузо рассказал нам, с каким волнением он готовится к выставке своих картин в Советском Союзе.

Мы скоро увидим эти необыкновенные глаза в Москве!

Девушка на берегу

Мы в гостях у Федерико Феллини, которого советские зрители так хорошо знают по фильмам «Ночи Кабирии» и «Дорога».

Феллини внимательно слушает и взвешивает каждое слово собеседника. Голос у него тихий, что никак не вяжется с буйным темпераментом режиссера на съемочной площадке. На его большом рабочем столе стоит фотография Джульетты Мазины, героини «Ночей Кабирии» — спутницы его жизни.

Я обращаюсь к Феллини с просьбой рассказать о своих творческих замыслах.

— Трудно,— отвечает режиссер,— трудно рассказать о том, что только начинается. Вы помните девушку на берегу?

Я кивнул головой.

Пауза.

— ...Девушку из финальной сцены фильма «Сладкая жизнь»,— продолжает Феллини.— Девушка стоит, согретая солнцем, освещенная, как надежда. Она машет рукой уходящему от нее журналисту. Марчелло уходит, он возвращается в пустой и осмеянный в фильме мир. Но девушка зовет его. Что заключено в этом призыве? Какие слова готовы сорваться с ее уст? Что последует дальше?

— Я думаю,— тихо заканчивает Феллини,—что, может быть, мне удастся ответить на эти возникающие вопросы в своем новом фильме. О девушке, оставшейся на берегу.

Мы встречаемся с Эдуардо

В двенадцать, в «Рицолли». Так назначил нам место встречи Эдуардо де Филиппо, автор пьес «Филумена Мартурано», «Моя семья», «Призраки», руководитель драматического театра в Неаполе, один из популярных артистов итальянского театра и кино. Посмотрите — вот он в новом фильме «Все домой». На фото: сын—Альберто Сорди, отец — Эдуардо де Филиппо. Роль отца — эпизодическая, но сыграна она с блеском.

Мы были точны, но Эдуардо оказался еще точнее—он уже ждал нас у входа вместе с Луиджи де Лаурентисом — итальянским кинопродюсером. Кафе «Рицолли»—место частых встреч писателей, артистов, художников, композиторов.

Эдуардо де Филиппо воодушевлен новым сюжетом:

— Я хочу создать фильм о самой большой семье мира. Все есть в этой семье — все переживания, добрые и грустные, но стремится она к одной цели: людям нужно жить счастливо. Я задумал большую картину. Мне хочется, чтобы в ней снимались итальянские и советские артисты. Если бы вместе с вами...

Эдуардо де Филиппо делится своими впечатлениями о московских постановках его пьес — у вахтанговцев, в театре Советской Армии и «в теплом, сердечном театре на Таганке» — Театре драмы и комедии. «Ваши артисты необыкновенны, искренни»,— он вспоминает Рубена Симонова в «Филумене», и неожиданно возникает песенка «Скучно мне, скучно, ах, грустно мне, грустно», которую так выразительно исполняет Доменико — Симонов. «Мольто бене. мольто бене», — повторяет Эдуардо. — Очень хорошо».

— Мы надеемся осенью побывать в Москве и Ленинграде, — говорит он на прощанье. — Весь театр готовится к этой поездке с трепетом. Но это трепет художников. И мы сохраним его на советской сцене от первого до последнего спектакля.

Вечер в «Париоли»

В зале курят. Женщины не снимают пальто. Серый туман словно надвигается на сцену, действие на которой также происходит за легкой, почти воздушной сеткой. Поначалу вас охватывает изумление: как играть в этом продымленном и душном театре, как вяжется любовь итальянцев к искусству с такой дымовой завесой?

На сцену выходит Энрико-Мария Салерно — один из ведущих артистов театра. В дальнейшем он будет играть прокурора в пьесе «Сакко и Ванцетти», написанной Мино Роли и Лючано Винченцони. Пока еще артист без грима. Спокойно, тихим голосом он сообщает о том, что театр покажет спектакль, построенный только на фактах... Все события достоверны... Сакко и Ванцетти всегда живут в памяти и останутся жить...

Артист уходит.

Мертвая тишина воцаряется в зале театра «Париоли». Вспыхивают огоньки сигарет. Висит серое марево. Действие разворачивается медленно, но постепенно его пружина раскручивается, и вы видите, как адская машина клеветы и обмана затягивает Сакко и Ванцетти.

Необыкновенно играет прокурора Энрико-Мария Салерно. Поначалу какой-то усталый, полунасмешливый, как-то недоверчиво относящийся к делу, состряпанному полицией, он постепенно превращается в управителя всей этой адской машины буржуазного правосудия... Ласково, просяще, угрожающе, капризно, утомленно, то как будто неуверенно и вместе с тем настойчиво ведет он в спектакле целую серию допросов. По существу говоря, допрос и суд — основные сцены пьесы, в которых заключена вся социальная острота спектакля.

Мы смотрели пьесу «Сакко и Ванцетти» в день, когда большинство газет мира вышло с сообщениями об убийстве героя африканского народа и с первых полос смотрели на нас глубоко трагичные и потрясающие силой убежденности глаза премьер-министра Конго Патриса Лумумбы. В зале театра чувствовалось особое напряжение.

...Сакко и Ванцетти приговорены к смертной казни на электрическом стуле. Сцены казни в спектакле нет. В луче красного света стоят герои, уходящие из жизни, утверждающие бессмертие, смотрящие в будущее, видящие Италию прекрасной. Этому посвящены их последние слова.

Более двух месяцев подряд пьеса идет в театре «Париоли». Ассоциация молодых артистов объединила в этом спектакле все свои лучшие силы. Постановщик спектакля режиссер Джанкарло Збраджа и артисты, участники спектакля, внесли в него огонь подлинного вдохновения.

Забыть об этом вечере нельзя...

РИМ—МОСКВА

И. о. главного редактора В. А. КОСОЛАПОВ.

Редакционная коллегия: В. Н. БОЛХОВИТИНОВ, Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИА, Г. М. КОРАБЕЛЬНИКОВ, Ф. Ф. КУЗНЕЦОВ, Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, Н. Ф. ПОГОДИН, Г. Г. РАДОВ, В. А. СОЛОУХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (Для телеграмм Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4.04-62, отделы: русской литературы — В 8.99.33, искусств — В 1-11.69, литератур народов СССР — В 8.59-17, внутренней жизни — К 4.06.05, международной жизни — К 4.03.48, зарубежной литературы и искусства—К 4.84-28, информации—К 4.08.69, писем—В 1-15.23, издательство—К 4.11.68. Коммутатор—К 5.00-00.

Типография «Литературной газеты» Москва И-51, Цветной бульвар, 30

Б—04156